

Леонид Канашин

ЛЕЙТЕНАНТ КОПЫЛОВ

Леонид Канашин
Лейтенант Копылов.
Армейский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25095372

ISBN 9785448550317

Аннотация

«Лейтенант Копылов» – несомненно, самый правдивый роман о службе и жизни молодых армейских офицеров. Несмотря на драматизм многих описываемых событий, книга наполнена добрым юмором и глубокой авторской самоиронией. Вместе с героями книги читатель будет огорчаться и радоваться, попадать в просак и выбираться из, казалось бы, самых безнадежных ситуаций. И вот вопрос – удастся ли главному герою, пройдя через все испытания, сохранить юношескую чистоту и верность идеалам дружбы и добра? Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Листвянка	6
Глава 2. В институте	16
Глава 3. Несерьезная дивизия	36
Глава 4. Пиджаки, Шинель и другие	47
Глава 5. Куда солдата ни целуй...	73
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Лейтенант Копылов

Армейский роман

Леонид Канашин

Иллюстратор Тимур Шарафутдинов

Дизайнер обложки Тимур Шарафутдинов

© Леонид Канашин, 2019

© Тимур Шарафутдинов, иллюстрации, 2019

© Тимур Шарафутдинов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-5031-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черт, до чего же больно!.. Боль идет волнами от левой половины груди по всему телу и с ударами пульса взрывается в голове!.. Не надо шевелиться – тогда боль слабеет... Я чувствую лицом холод... Это снег... Да, я лежу ничком в темноте на мерзлой земле. Почему я так лежу?.. Почему так больно?.. Я ранен?.. Кто я?.. Надо вспомнить, надо обязательно вспомнить!.. Мысли путаются...

Я лейтенант Копылов... Лейтенант?.. Почему я лейтенант?.. Я же геолог!.. Может, это сон?.. Я сейчас проснусь,

встану и пойду в маршрут... Я просто заснул в неловкой позе, и ломит грудь... Сейчас, сейчас...

В меня стреляли... Ефрейтор Степанчук... Да, меня подстрелил ефрейтор Степанчук... Меня, лейтенанта Копылова, подстрелил часовой ефрейтор Степанчук!.. Зачем он это сделал?..

Вспомнил, я бил его по лицу... Я, лейтенант Копылов, бил его по лицу перед строем... Я бил по лицу человека?.. Этого не может быть!..

Я шел проверять ночные посты, и меня из мести подстрелил часовой ефрейтор Степанчук... Имел право: я шел без разводящего и в гражданской одежде. Почему в гражданской?.. Может, на самом деле, я не военный?.. Может, это все-таки сон?.. Или я заболел и брежу?

Я шел проверять посты после танцев в Доме офицеров... Проводил Лену, нет не Лену, это была другая девушка, – и пошел проверять посты... Значит, я военный, лейтенант Копылов... Подстреленный... Господи, до чего же больно!.. О, хоть бы это был сон!.. Сейчас я проснусь, оденусь и пойду на службу...

Да, я ударил человека по лицу!.. Он упал... Но почему, почему я это сделал?.. Надо вспомнить, надо всё обязательно вспомнить!..

Глава 1. Листвянка

Я родился на Байкале, в небольшом поселке Листвянка у истока Ангары. Наш дом стоял прямо на берегу моря. Байкал заглядывал в окна, светил в ясные дни множеством отраженных колеблющихся солнц и грозно ревел за ставнями в штормовые ночи. Со стороны моря Листвянка смотрелась чередой серых изб у подножия горной гряды, запирающей воды Байкала в его каменном ложе.

Родители мои были коренными сибиряками. Отец, Копылов Иван Афанасьевич, родился в селе Копылово, а мать Мария Николаевна, в девичестве Самодурова, – в деревне Самодурово. Оба селения располагались на севере Иркутской области, в верховьях Лены.

Иван Копылов, призванный в армию спустя год после окончания второй мировой войны, отслужив матросом в Краснознаменной Амурской флотилии, крестьянствовать в родное село уже не вернулся, а устроился в Листвянке механиком на судоремонтную верфь.

В это же время Маше Самодуровой, выпускнице школы-семилетки, посчастливилось каким-то образом оформить паспорт и тоже уехать из деревни, чахнувшей после военного лихолетья от голода и болезней. В Иркутске жила ее двоюродная сестра. У нее Маша и приютилась на первое время, поступив работать на фабрику, где катали валенки.

Они встретились случайно у общих знакомых. Мама в юности была очень красивой. На фотографиях тех лет она похожа на знаменитую дореволюционную актрису Полину Стрепетову, портреты которой, написанные разными художниками, можно видеть в Третьяковке. Отец (опять же я сужу по фотографиям) красавцем не был, но отличался, как все говорили, легким, веселым и предприимчивым характером. Дальнейшие их встречи уже не были случайными, и через некоторое время судовой механик увез молодую пимокатчицу в Листвянку. На судоверфь ее взяли маляром.

Первые месяцы они жили в общежитии, а потом отец за смешные деньги купил избу-развалюху на берегу Байкала, привез из Копылово двух своих старших братьев, и они, по воспоминаниям матери, втроем за три недели, чередуя работу с выпивкой и опохмелением, срубили небольшой, но очень уютный дом. В этом доме я и появился на свет.

Жили мы, как и все поселковые, очень бедно, но все же лучше, чем наши деревенские родственники. Заработки на судоверфи были невелики, но в сезон ловли омуля отец уходил с рыболовецкой бригадой в Малое море или в устье Селенги и, в случае форта, обеспечивал семью не только пропитанием, но и обновками.

Отец слыл умелым мореходом и опытным механиком, поэтому его часто приглашали водить катера и мотоботы в экспедициях Лимнологического института. В одной из таких экспедиций он и погиб, спасая молодых ученых, катер ко-

торых перевернулся во время внезапного шторма у берегов Ольхона. Мне тогда как раз исполнилось семь лет, и я пошел в школу.

Через год на Ангаре была построена плотина Иркутской ГЭС, вода в Байкале стала подниматься, и наш осиротевший дом с примыкавшим к нему огородом оказался в зоне затопления. Его разломали, а маме выделили комнату в коммунальной квартире на втором этаже двухэтажного барака.

Нам стало совсем туго. Чтобы сводить концы с концами, мама устроилась подрабатывать вечерами уборщицей в новом каменном здании Лимнологического института. Теперь я видел ее мало. Она уходила на работу рано утром, когда я еще спал. Проснувшись, я находил ее записку с указаниями насчет еды и домашних дел, а также деньги на хлеб и молоко. Весь день я был предоставлен самому себе: позавтракав, шел в школу, вернувшись из школы, наспех делал уроки, потом убежал на улицу к друзьям. После смены на судоверфи мама загоняла меня домой, быстро готовила еду и снова уходила, теперь уже до полуночи. Я каждый вечер терпеливо дожидался ее возвращения, изобретая разные способы борьбы со сном, но неизменно терпел поражения, и маме приходилось самой раздевать меня, сонного, и укладывать в кровать.

На летние каникулы мама увозила меня к ее родителям в Самодурово. Дед Николай Филиппович и бабушка Татьяна Антоновна жили в маленькой избушке отдельно от своих взрослых детей, давно обзаведшихся собственными семьями

и нарожавших уже своих детей – моих многочисленных деревенских двоюродных братьев и сестер.

Читать и писать дедушка и бабушка не умели. Когда я у них гостил, дед поручал мне вести учет работ, выполненных им для колхоза. Дед работал плотником, и время от времени я доставал из-за висящего на стене помутневшего зеркала мятую школьную тетрадь и, гордясь своим умением, записывал в нее под диктовку деда, сколько за прошедшие дни он изготовил граблей, вил, черенков и другого сельскохозяйственного инвентаря, и подсчитывал, сколько за все это ему полагается трудодней. Кроме тех работ, которые ему поручало колхозное начальство, Николай Филиппович имел множество заказов от своих односельчан. Никакого дополнительного дохода эта его частная практика не приносила, так как заказчики рассчитывались с ним исключительно выпивкой.

Обычный летний день протекал у деда следующим образом. С утра он долго сидел на завалинке, куря трубку и часто сплевывая. Отходил от вчерашнего. Потом, попив чаю, он брался за колхозную работу: пилил, строгал, гнул. Баба Таня в это время готовила обед. После обеда дед немного отдыхал на топчане в прохладной горнице, потом вставал и начинал складывать свой плотницкий инвентарь в деревянный походный ящик с ручкой. «Куда тебя черти опять несут?» – ворчала бабушка. Дед ничего не отвечал. Он вообще не трагил слова без особой нужды. Возвращался он вечером, уже

после того, как с полей пригоняли стадо коров. Его было слышно издалека. «Татьяна, пуп-мать! – кричал он дурным пьяным голосом, – Антоновна! Быстро ставь самовар! Я тебя щас прибью, старая курица, пуп-мать!». «Пуп-мать» было его любимым ругательством, его так и звали на селе – Пуп-мать. Маленькая баба Таня нисколько не боялась разбушевавшегося деда. «Опять нализался, ирод!» – подбоченившись, встречала она его у ворот и тычками в спину загоняла в избу, где он сразу заваливался на топчан. Бабушка стаскивала с него сапоги, он отворачивался к стене, все еще продолжая выкрикивать ругательства, потом затихал до утра.

Что в Листвянке, что в Самодурово мужики пили часто и помногу. В Листвянке пили, в основном, «табуретовку» – водку из опилок братского (из города Братска) разлива и дешевые плодово-ягодные вина. В деревне же напитки заводского производства – «красное вино» и «белое вино» (так называлась водка) – были редкостью. Они появлялись на столе только в особо торжественных случаях и в небольших количествах, а пили, в основном, бражку и самогон.

Деревенские пьяные застолья по причине большого числа родственников отличались особым размахом. Отмечались все государственные и церковные праздники, выборы, свадьбы, поминки, дни рождения, именины, крестины, проводы в армию и возвращения со службы. Также полагалось «обмы-вать» все покупки, в противном случае приобретенные вещи ожидала неминуемая порча или утрата. На этих «законных»

гуляниях крепко выпивали не только мужчины, но и женщины. Напиться до бесчувственности, в умат, не считалось зазорным. Мы, ребятня, крутились тут же, лазили под столами. Пьяные взрослые не обращали на нас внимания, и мы пробовали спиртное из их стаканов: сладкая бражка нам нравилась, вонючая самогонка была противной. Но уже с пятнадцати-шестнадцати лет мои деревенские братья и друзья, окончившие восьмилетку и приступившие к самостоятельной работе в колхозе, выпивать начали наравне со своими отцами.

«Ты, Котя, вино пить не приучайся, – воспитывала меня баба Таня, – учись, как следоват, и будешь, как наш председатель, ходить в шляпе и ничего не делать!».

В Листвянке шляпы никто не носил – даже директор судоверфи. В шляпах приезжали из Иркутска директор Лимнологического института (институт переехал в Иркутск, а в Листвянке остался его филиал) и большие начальники, которым он показывал Байкал.

В Иркутск (все поселковые называли его просто «город») вела единственная дорога, уходящая из Листвянки. Наши поездки в Самодурово пролегли таким образом через Иркутск, и мама всегда выкраивала время, чтобы пробежаться по городским магазинам и купить гостинцев деревенским родственникам. Город поражал большими каменными домами, шумом, обилием машин и людей. Я завидовал этим людям, нарядно и чисто одетым и имеющим возможность каж-

дый день гулять по асфальтовым тротуарам, есть мороженое и пить газировку с сиропом. Став подростком, я начал самостоятельно ездить в город и не только по пути в деревню, но и специально, чтобы в выходной день сходить в цирк или в кинотеатр, или просто побродить по городским улицам. Среди гуляющих людей мне встречались девушки и женщины необыкновенной красоты – городские красавицы, гордые и надменные. Они казались мне существами из другого мира, из мира, в который мне никогда не суждено попасть.

Одна из таких красавиц приезжала довольно часто в Листвянку, в Лимнологический институт. В это время я уже помогал матери в ее вечерних работах по уборке кабинетов и знал от нее, что эта красивая женщина, на которую, как я видел, засматриваются все мужчины, работает на кафедре биологии Иркутского университета. Однажды Зоя Петровна, так ее звали, попросила помочь ей привести в порядок зоологическую коллекцию. Мама вытирала пыль, а я вместе с Зоей Петровной переносил муляжи и банки с заспиртованной байкальской живностью из одного кабинета в другой. От близости Зои Петровны, от того, что я делаю с ней одно дело, я испытывал волнение и гордость, на лету ловил каждое ее указание и быстро все исполнял с предельной тщательностью. Когда пришло время заполнять верхние полки стеллажей, я стал подавать снизу коллекционные образцы Зое Петровне, стоящей на стремянке. Понимая, что поступаю плохо, я все же не мог сдержаться и нет-нет, да и бро-

сал украдкой взгляд на ее белые ноги, открытые мне под подолом платья почти полностью. В какой-то момент Зое Петровне стала ясна причина моей внезапной рассеянности...

– А давай-ка, дружок, поменяемся местами, – сказала она, спускаясь вниз, – что-то у меня голова закружилась. А у тебя голова не кружится... от высоты? – И она улыбнулась мне какой-то особой улыбкой, одновременно и насмешливой и заговорщической.

– Нет... – с трудом вымолвил я, вспыхнув от смущения.

Потом Зоя Петровна пригласила нас в свой кабинет пить чай. За чаем она начала выяснять, в каком классе я учусь и кем хочу стать. Я ответил, что учусь в девятом классе, а кем буду, еще не решил. Она спросила, не хотел бы я стать ученым и изучать Байкал?

– Куда ему, троешнику, в ученые! – сказала мама. – Пойдет после школы слесарить на судовой верфь.

Я покраснел от стыда.

– И много у тебя троек? – спросила Зоя Петровна.

– Всего-то три за последнюю четверть» – пробурчал я, с гневом и обидой глядя на мать.

– Ну, это поправимо, есть еще время, чтобы подтянуться... Давай, Константин, исправляй свои тройки и поступай к нам в университет. Выучишься на биолога – будем вместе работать!».

В школе я учился, не прилагая особых усилий. Учителя говорили, что я способный и мог бы стать отличником, ес-

ли бы больше старался. Впрочем, и такая моя успеваемость их вполне устраивала, так как все равно она была выше успеваемости большинства моих одноклассников. Все школьные учебники, кроме книг по не любимой мною математике, я из любопытства прочитывал еще летом, поэтому, когда начинался учебный год, учиться мне было уже не интересно.

После памятного разговора с Зоей Петровной я стал относиться к учебе более серьезно и окончил школу не только без троек, но и с пятерками по большинству предметов. В течение этого времени не единожды я рисовал в своем воображении сцену нашей с ней будущей встречи в университете. В большом зале проходит знакомство преподавателей с новыми студентами. Зоя Петровна называет мою фамилию. Я встаю с места, она меня узнает и говорит: «А этот молодой человек мне знаком. Он уже внес некоторый вклад в дело изучения Байкала...». И все смотрят на меня с интересом. Я, таким образом, с самого первого дня выделяюсь среди других студентов, и в дальнейшем своими успехами в учебе все более и более подтверждаю свой особый талант. После университета (улетал я в своих фантазиях дальше) я начинаю работать в Лимнологическом институте и через какое-то время становлюсь его новым директором... И однажды приезжаю в Листвянку в красивом костюме и со шляпой на голове.

За неделю до подачи документов в приемную комиссию я передумал поступать в университет. Виной тому стала попавшая в мои руки книжка про геологов. В ней описыва-

лось, как геологи, испытывая невероятные трудности и лишения, рискуя ежечасно жизнью, прокладывают в таежных дебрях поисковый маршрут и находят, в конце концов, очень необходимое стране месторождение редкого металла. Я понял, что эта профессия больше мне подходит, что, несмотря на всю привлекательность работы рядом с Зоей Петровной, вряд ли я смогу из года в год заниматься одним и тем же: вылавливать жучков из байкальских вод или изучать содержимое желудков нерп и рыб. Открыть уникальное месторождение и сразу стать знаменитым на всю страну – это было по мне. Я уже представлял себе, как это произойдет: вооруженный молотком и компасом, пробираюсь я вдоль таежного ручья по узкому распадку, и вдруг после очередного поворота мне открывается блистающая скала, вся состоящая из драгоценного металла или минерала...

Я подал документы в Иркутский политехнический институт. В университете тоже обучали на геологов, но теперь мне уже неловко было встречаться с Зоей Петровной.

Конкурс на геологические специальности был немалый, но мне удалось его выдержать, и в конце августа 1967 года я получил студенческий билет и место в общежитии.

Глава 2. В институте

Мое поступление в институт живо обсуждалось нашей родней. Как-никак, я был первым, кому представился шанс получить высшее образование и выбиться в люди. К этому времени жизнь в деревне стала немного налаживаться. Заработки в колхозе по-прежнему были нищенскими, но после снятия Хрущева селянам разрешили иметь в личном хозяйстве скота и птицы больше, чем раньше, и теперь у них появилась возможность продавать излишки мяса и молока на городском рынке. Про голод стали забывать, на вырученные деньги приводились в порядок подворья и даже строились новые дома. Все мои дядьки обзавелись мотоциклами.

Стипендия, которую мне выплачивали в институте, равнялась тридцати рублям. Это было почти половиной того, что получала мама за свою работу на судовой верфи, поэтому нам жить тоже стало легче.

В общежитии мы питались коммуной, то есть сбрасывались со стипендии всей комнатой в общий котел и готовили по очереди самую примитивную еду: картошку в мундире, щи из консервов, макароны, разные каши. Зная это, мама всегда старалась к моему воскресному приезду в Листвянку приготовить для меня что-нибудь вкусное. Дома я наедался до отвала, сметая все разом. Это, впрочем, нисколько не мешало мне, вернувшись вечером в Иркутск, чувствовать себя

голодным нарравне с другими обитателями общаги.

Студенческая свобода пьянила. Никто не проверял каждый день уроки, никто не корил, если утром лень было вставать и идти на лекции. Всегда думалось, что до экзаменов еще далеко и легко можно будет наверстать упущенное. К тому же, обучение в институте началось с предметов, не имеющих, казалось, никакого отношения к геологии. Я недоумевал, каким образом физика, математика, химия и электротехника помогут мне быстрее найти «блистающую скалу»? Не вылетел я из института в первую же сессию только благодаря тому, что на экзаменах по математике и физике удачно воспользовался шпаргалками.

Как и раньше в школе, в институте у меня находились занятия, гораздо более увлекательные, чем заучивание абстрактных формул и теорем. Я играл в футбол и настольный теннис, водил ребят со своего потока в походы на Байкал и не пропускал ни одного фильма, выходящего на экраны кинотеатров города. Еще в абитуре я познакомился с ребятами, поющими под гитару бардовские песни, и с первой же стипендии купил себе семиструнку и стал учиться на ней играть. Кроме того, я занялся фотографией, снимал своей «Сменой» все подряд и просиживал ночи напролет под красным фонарем, печатая фотокарточки.

Ну, и конечно, я увлекался девушками... Поначалу эти мои любовные увлечения, чаще всего не вознаграждаемые взаимностью, сменяли друг друга, не оставляя особого сле-

да, но после третьего курса, на практике в геологической экспедиции, я так жестоко (и опять же безответно) влюбился в молоденькую повариху, что подхватил осложнение в виде поэтической лихорадки. С первыми заморозками все студенты-практиканты разъехались по домам, я же с остатками экспедиции еще долго оставался в тайге рядом с неприступной поварихой, до последнего дня не теряя надежды растопить ее сердце своими пламенными виршами...

Когда я вернулся в Иркутск, занятия в институте шли уже без малого два месяца. Я взялся было за учебу, но тут в общежитии появился мой друг и одногруппник Санька Пригожин, задержавшийся на производственной практике еще более моего. Санька выразил сомнение в том, что нам, измотанным тяжким полевым трудом, будет по зубам гранит наук, если мы не устроим себе отдых, хотя бы и не очень продолжительный. К тому же жгли руки остатки денег, заработанных на практике. Дополнительные каникулы вылились в наше недельное триумфальное шествие по питейным заведениям Иркутска.

Позади осталось лето,
Позади и практика —
Пьем коньяк, жуем котлеты
В ресторане «Арктика...

Нечаянная болезнь неожиданно приняла хронический характер. Стихотворные произведения разных жанров, от ча-

штушек до поэм, рождались во мне в таком количестве, что я едва успевал их записывать. Спеша поделиться ими с человечеством, я с помощью нескольких гитарных аккордов подбирал для своих стихов подобие музыки и вечерами, кочуя с гитарой по общежитию из комнаты в комнату, изливался вдохновенно. Не стану утверждать, что все мои друзья и знакомые были в восторге от моего творчества. Впрочем, я был рад, когда меня не выгоняли сразу же.

Наивно было бы надеяться, что наше столь длительное отсутствие на занятиях останется незамеченным и безнаказанным, и я, хоть и испугался, но совсем не удивился, получив через старосту группы приглашение в деканат. Наш декан был человеком скорым на расправу, поэтому я заранее подготовил покаянную речь, суть которой сводилась к просьбе не отчислять меня сразу, а дать шанс исправиться.

Поведение декана, однако, меня озадачило. Он с неуместной приветливостью вышел из-за стола, подал мне, совсем уже этим испуганному, руку и предложил место в мягком кресле у окна... После чего он и сам сел в такое же кресло, стоявшее напротив. Затем у него в руках появились несколько довольно мятых листов писчей бумаги, он откашлялся театрально и стал декламировать:

«Пусть отдохнут наук верхушки,
Мы одолеем их потом,
Давайте лучше сдвинем кружки,
И пусть наш общежитский дом

Разбойной песней огласится!
Декан напрасно нам грозитя —
Не в силах он остановить
Студента, выпившего, пруть!»

Прочтя последние строки с особым выражением и нажимом, декан поднял невинные глаза на меня:

– Ты не знаешь, Константин, кто автор этих замечательных строк?

Я молчал, понимая, что любой ответ будет не в мою пользу.

– А вот еще:

«В первые минуты
Бог создал институты,
Адам его студентом первым был.
Он ничего не делал,
Ухаживал за Евой,
И Бог его стипендии лишил!..¹

Тут я не выдержал:

– Валерий Павлович, как я мог это написать, если там дальше: «Кончится защита, и Хрущев Никита сверху указание дает: кому на Индигирку, кому в какую дырку...»? Ясно же, что это еще при Хрущеве кто-то написал!

– А первое, значит, ты?..

¹ Стихи В. Е. Бахнова.

– Ну, я... нечаянно...

– Это мне понятно, что нечаянно... – декан придвинулся ближе, снял с моего рукава невидимую соринку и продолжил другим, нормальным уже, голосом, давая понять, что шутки кончились, – Константин, надо помочь нашей команде КВН. Похоже, они почивают на лаврах... В декабре у нас финальная встреча со строительным факультетом, а у них какой-то творческий ступор... Короче, нам нужны твой талант и твоя светлая голова...

Так я попал в популярную тогда в Иркутске команду КВН геологического факультета. Довольно быстро выяснилось, что артист из меня никакой. Единственная роль, которую мне, в конце концов, чтобы не обидеть, выделили, сводилась к тому, чтобы в одном из конкурсов, ни в коем случае не открывая рта, держать в руках большую картонную коробку с крупной надписью «Доверие коллектива», а потом в какой-то момент для смеха эту коробку уронить. Поэтические же мои способности оказались очень кстати. Я написал, и почти полностью в стихах, «приветствие» и «домашнее задание», сочинил несколько пародийных текстов на мелодии популярных песен, а также придумал дюжину «экспромтов» для конкурса капитанов.

Ребята в команде подобрались исключительно талантливые и заводные, но была среди нас одна абсолютная звездочка – Маша, Машенька. Никогда – ни до, ни после – я не встречал более энергичного человека. Она не ходила,

она – летала! Если какими-либо обстоятельствами она принуждена была стоять на месте, она пританцовывала. Если она не говорила, она напевала. Как летящий по небу заряд фейерверка движется в ореоле рассыпаемых им разноцветных огней, так она жила в создаваемой ею самой атмосфере смеха, шуток, дружеских подначек и неподдельной доброжелательности.

Маша тоже жила в общежитии. Когда, придумав очередное более-менее правдоподобное объяснение своему визиту, я приходил к ней в комнату, то почти всегда обнаруживал там добрую половину мужской части нашей команды. Эти лицемеры дружно ржали при моем появлении, ведь обычно не проходило и часа с того момента, как все мы прощались в актовом зале до следующей репетиции...

Собственно, можно было бы и не ржать, ведь посиделки «наши у Маши» являлись, по существу, продолжением КВНовских репетиций, импровизационной их частью. Каждый из нас стремился щегольнуть перед Машей остроумием и оригинальностью. Это был такой внутрикомандный конкурс, в котором Машенька в качестве всевластного жюри своей реакцией на ту или иную шутку выставляла «баллы», а высшей наградой турнира (конечно, в некоей перспективе) предполагалось ее, Машенькино, сердце. Но была еще и третья сторона – зрители. Вернее, зрительницы – молоденькие второкурсницы, жившие с Машей. В наши разговоры они почти не вступали – сидели себе тихонечко и внимали с роб-

кой восторженностью...

Одну из них звали Светланой. Маленькая стеснительная толстушка в коротком халатике, забиравшаяся при нашем появлении с ногами на свою кровать и сидевшая там, в углу у окна, с тихой приветливой улыбкой, как бы говоря: я тут просто посижу и мешать вам совсем не буду...

Я сейчас не могу вспомнить и не в силах объяснить, каким образом Светлана из Машиного, так сказать, обрамления, из одушевленного предмета интерьера превратилась для меня в нечто большее. Просто с какого-то момента я стал замечать, что вовсе не Машиного одобрения жду для своих шуток, а улыбку этой тихой девочки. Я вдруг увидел то, чего не увидел сразу, чего и сейчас не замечали другие парни: как она обаятельна, как она прекрасна своей особой скромной красотой. Как милы ее по-детски припухлые губы, ее маленький, немного вздернутый нос, как трогательны ямочки на щеках, сопровождающие ее застенчивую улыбку.

Улыбка эта заслуживает особого описания. Между передними верхними зубами у нее была маленькая, лукавая щелочка. Светлана, считая ее своим недостатком, старалась эту щелочку не показывать. Улыбнувшись и спохватившись, она делала поспешную попытку закрыть «изъян» верхней губой, и от этого ее улыбка вспыхивала какой-то особой пронзительной прелестью. Так от едва уловимого поворота вспыхивает драгоценный кристалл...

Есть четкая временная привязка того момента, когда

от моей увлеченности Машей не осталось и следа. Наша команда КВН победила в финале с явным преимуществом. На новогоднем балу в общежитии подвыпивший капитан команды, большой и громогласный Леша Самсонов, комплексуящий оттого, что свалившейся на него популярностью он обязан, в значительной мере, придуманным мною шуткам, прижав меня к стене, долго и нудно уговаривал меня прямо с завтрашнего дня стать капитаном вместо него, а я все старался из-за его широкого плеча разглядеть в толпе танцующих маленькую Светланку. Тут откуда-то вынырнул Санька Пригожин и, отозвав меня в сторону, избавил от утомившего меня Самсона. Санька был не совсем трезв и очень возбужден. Он предложил мне свои услуги по набитию морды Попову Сергею. Я не сразу понял, в чем дело: Сергей Попов – отличный парень, КВНщик... Зачем ему морду-то бить?

– Ты что не видел, как он кадрит твою Машку?

– Мою Машку?..

Видя мое удивление, изумился и Санька:

– Так ты же, вроде...

– Санек, никаких мордобоев! Машка – пройденный этап!

– Ну, ты, бля, даешь!..

Я долго не мог решиться на проявление своих симпатий к Светлане, но вот однажды нам случилось возвращаться вместе из института, и я пригласил ее в кино. В этот же вечер я ее впервые поцеловал. Стояли самые настоящие сибирские морозы, для нас же, как это ни банально звучит, словно

наступила весна. Не пропуская ни одного вечера, даже в самую сильную стужу отправлялись мы на прогулку и бродили по опустевшим улицам и аллеям, выбирая укромные места для поцелуев. Из-за ее маленького роста целоваться было не совсем удобно и мы, гуляя, приглядывали какой-нибудь бордюр или ступеньку, куда она могла бы стать. И она, закрыв глаза, подставляла мне свои пухлые губки, и я впивался в них, и я опускал свои руки с ее плеч на ее бедра и чувствовал с восторгом, как она расслабляется, а затем прижимается ко мне всем телом и потом приоткрывает глаза и смотрит на меня затуманенным, удивленным взглядом...

Выяснилось, что Светлане всего семнадцать лет, что мы родились в один месяц и в один день, и я старше ее ровно на четыре года. Ее родители – геологи в далеком якутском поселке. Она там родилась и прожила всю жизнь до поступления в институт.

Самые нежные и восторженные чувства переполняли меня. Ее плавная походка, ее привычка смотреть искоса и с лукавой усмешкой, ее нежная полнота, даже ее старомодное ватное пальто, которого она стыдилась, – все меня умиляло и трогало. И я любил весь мир! Мир, который преобразился вдруг, стал цветным и звучным, словно я вынырнул из темной воды в яркий солнечный день.

В это же время самым серьезным образом изменилось мое отношение к учебе, и, начиная с зимней сессии четвертого курса, все экзамены я сдавал только на «отлично». Труд-

но сказать, с чем это было больше связано – с появлением в моей жизни Светланки или с тем, что после производственной практики я другими глазами стал смотреть на свою будущую профессию. Я стал понимать, что время героев-одиночек прошло, что все месторождения, лежащие на поверхности, уже найдены. Неоткрытые «блистающие скалы» лежат на глубине, и, чтобы их найти, нужен совместный труд многих людей. Истинным первооткрывателем теперь является не тот, кто бродит с молотком по тайге, а тот, кто верно определяет место приложения сил геологических партий и экспедиций, кто вдохновляет людей и руководит их работой. Чтобы стать таким человеком, нужно не только уметь «руду дорогую отличить от породы пустой», но и обладать глубокими знаниями по самому широкому кругу научных дисциплин.

Весной я познакомил Светлану с мамой. Когда мы оставались в Листвянке ночевать, мама устраивала меня на раскладушку, а Светлану укладывала с собой, и, засыпая, я слышал, как два моих самых любимых человека переговариваются о чем-то женском...

Приехали мы в Листвянку и пятого июня, в день нашего совместного дня рождения. Мама к нашему приезду испекла торт. Мы выпили немного вина за Светино совершеннолетие и мои двадцать два. Мы не могли в этот раз остаться ночевать, так как завтра утром я должен был улетать из Иркутска на преддипломную практику.

Мы не остались в Листвянке еще и по другой причине. Сегодня должно было случиться то, чего между нами еще не было. Мы не говорили со Светланой об этом, но каждый только об этом и думал. Ребята, с которыми я жил в общежитии, накануне разъехались, и комната впервые на всю ночь была в нашем распоряжении. Чуть меньше двух часов идет рейсовый автобус из Листвянки до Иркутска, и все это время Светлана была тиха и задумчива, несмотря на мои попытки ее развеселить. В общежитии она не стала заходить к себе в комнату, и мы сразу пошли ко мне.

...Все получилось быстро и бестолково. В минуту боли она только закусилась нижней губой, а затем сразу разжала свои объятия. Я осторожно убрал с нее тяжесть своего тела, и она, отвернувшись к стене, заплакала, заскулив тихонько, как щенок.

– Светланка, ты что, ты что? – стал я ее успокаивать, и вдруг на меня накатило, и я почувствовал, как и мои глаза переполняются слезами. – Светик, не плачь! Ну что ты? Все будет хорошо! Я не понимаю: чего ты плачешь?

Она повернулась ко мне. Мы лежали рядом в неудобной узкой кровати с металлической сеткой, провисшей, как гамак, и вытирали друг другу слезы. Она еще некоторое время всхлипывала, потом успокоилась, улыбнулась виновато и попросила принести воды в тазу, чтобы постирать простыню.

...Была уже глубокая ночь. В общежитии стояла тишина. Светланка, одетая в мою рубашку, спала, свернувшись

маленьким клубочком, устроив ладони между колен и прижавшись ко мне спиной. Я, обняв ее бережно, как раковина обнимает свою жемчужину, осторожно дышал ей в затылок, чувствуя милый родной запах ее волос. Вдруг раздался стук в дверь. Светлана вздрогнула и проснулась. Мы затаились. Стук повторился. В тишине ночи он казался оглушительным. Я начал подниматься, но тут за дверью послышался голос Нины, Светиной подруги:

– Света, ты здесь?.. Света, открой! Я знаю, что ты здесь!

Она стала стучать еще громче – не иначе, решила разбудить весь наш мужской этаж.

– Я выйду, – шепнула мне Светлана. Она встала и, покосившись на мокрую простыню, висящую на дверце шкафа, чуть приоткрыла дверь и выскользнула в коридор.

Спустя минуту она вернулась.

– Что ей надо? – спросил я.

– Да ничего, просто она меня потеряла... Я пойду, наверное, ладно?..

Летом мы обменялись несколькими письмами. У Светланы была сначала учебная практика на Байкальском полигоне, а потом она уехала на каникулы к родителям. Мы встретились снова в начале октября, когда я вернулся в Иркутск после практики.

Свадьбу мы решили сыграть через год, после того, как я, получив диплом, устроюсь в Иркутске на работу и сниму квартиру или, на худой конец, комнату. У меня должен был получиться высокий итоговый балл по успеваемости, позволяющий мне самому выбрать место работы, поэтому я не боялся, что меня по распределению пошлют в другой город. Кроме того, я имел в запасе предложение руководителя кафедры поисков месторождений остаться работать в институте в качестве научного сотрудника. Таким образом, в любом случае я оставался бы в Иркутске еще, по крайней мере, на два года, пока Светлана не завершит свое обучение в институте.

В феврале был вывешен приказ, из которого следовало, что я в числе нескольких других студентов сразу после окончания института призываюсь в армию.

О том, что один человек из каждой группы (а именно, первый по списку) будет призван на службу, было известно еще с начала пятого курса. Моя фамилия в списке группы была третьей, поэтому я был спокоен и вместе со всеми искренне сочувствовал ребятам, которым, как все считали, предстояло потерять два года своей жизни. Теперь же выяснилось, что два моих одногруппника, стоящие передо мной в списке, два сибирячка-здоровячка, с которыми пять лет я прожил

в общежитии бок о бок, имеют, оказывается, скрытые недуги, не позволяющие им отдать священный долг социалистической Родине. Соответствующие справки они представили на военную кафедру...

Я был оглушен произошедшим. Все мои планы рушились. Светлана считала, что нет смысла играть свадьбу, чтобы тут же расстаться на два года. Оставить институт и поехать со мной к месту моей службы она не желала, и я не смел настаивать, так как сам понятия не имел, куда меня направят, и какая жизнь нас там может ожидать. В общем, все складывалось так, что женитьбу нашу надо отложить на два года, до того времени, когда я вернусь со службы, а она как раз закончит институт. Ну, что ж, отложить, так отложить... Свадьба, регистрация – это ведь, по большому счету, формальности, мало что значащие. Нам со Светой хорошо и без регистрации...

Другого мнения была мама.

– Не нравится мне все это... – сказала она. И добавила, глядя на меня почему-то сурово, – Там, в армии, тебе, Костя, разные женщины могут встретиться, но ты знай: мне кроме Светланки никого не надо!

– Ну, что ты, мама! – ответил я. – Мне и самому никакая другая не нужна!

...Весной я начал работать над дипломным проектом, и мне уже не нужно было посещать лекции. Светлана по средам, когда парни из ее группы занимались на военной кафед-

ре, тоже в институт не ходила, и в этот день мы с ней ездили в Листвянку. Обычно мы появлялись там после полудня, когда мама была на работе. Ключ от квартиры, как всегда, лежал под половиком, а ключ от комнаты – в кармане старой куртки, висящей в коридоре. Первым делом мы забирались в кровать, а потом шли на кухню. Однажды мы обнаружили в мамином буфете банку с самодельным смородиновым вином. Сладкое, с приятным вкусом, оно легко пилось, и мы не заметили, как опьянели. До прихода мамы еще было время, и мы решили прогуляться.

...Байкальский берег, если идти от Листвянки на восток, постепенно становится все круче и круче, и, спустя некоторое время, превращается в каменистый обрыв; стометровые скалы вплотную подступают к воде, и студёные волны сердито бьются об их подножия. По хрустящему галечнику мы подошли к одной из таких скал и увидели, что дальше прохода нет. Нужно было возвращаться назад, чтобы обойти прижим по верху. Еще можно было попытаться пройти вдоль скалы по торчащим из воды валунам, но их то и дело захлестывало волнами, а вода была такой холодной, что опущенную в нее руку ошпаривало, словно кипятком.

– Давай пролезем по скале, – предложил я.

– Давай, – согласилась Светлана. Она доверяла мне во всем.

И мы полезли. Мне не впервой было лазить по байкальским кручам, но эту скалу я не знал, и я бы никогда не по-

лез на нее со Светланой, если бы не выпитое вино. Сначала лезть по скале было несложно. Мы продвигались на высоте два-три метра над водой, выискивая подходящие уступы. Там, где маленькая Света не могла сама забраться на высокую полку, я подавал ей руку и затаскивал ее наверх. Постепенно в поисках прохода мы стали подниматься все выше и выше. Я все надеялся, что вот-вот за ближайшим скальным выступом откроется легкий путь, и наше скалолазание закончится.

...На высоте десятиэтажного дома, после того, как мы преодолели очередной трудный участок, я понял, что назад пути уже нет – мы просто не сможем спуститься там, где только что поднялись.

Светлана, похоже, не догадывалась о нашем бедственном положении и лишь устало улыбалась в ответ на мои шуточные замечания по поводу ее скалолазной техники. Мы продвинулись еще немного, и мне стало ясно, что у нас остается только один путь – прямо вверх, на вершину скалы, так как и справа, и слева открылись совершенно отвесные стены. И мы начали подъем... Я лез впереди, выбирая, по возможности, такой маршрут, чтобы и она могла пройти по нему. Я уже ничем не мог ей помочь. Только подсказать, куда поставить ногу и где искать трещину, за которую можно зацепиться рукой.

...Этот участок со следами свежих обрушений я заметил еще минут за десять до того, как мы до него добра-

лись. Все это время я надеялся, что как-то удастся его обойти. Но тщетно! И вот мы стоим на совершенно уже головокружительной высоте, распластанные на скале, и Светлана в двух метрах левее и ниже меня все никак не может сдвинуться с места, потому что не достает ногой до нужного уступа.

– Костя, у меня же не такие длинные ноги, как у тебя!

– Светик, милая, ты передвинь руку повыше, там есть за что зацепиться, и подтянись... – я старался говорить как можно спокойнее.

– Конечно, если б у меня были такие руки, как у тебя, я бы давно...

За моей спиной, занимая полмира, угрюмо ворочался равнодушный Байкал, и холодный мертвый купол неба лежал у него на плечах, и тоскливо внизу кричали чайки. И я уже принял решение: если она сейчас сорвется, я тут же брошусь вслед за ней. Я даже и не буду пытаться выбраться отсюда, потому что никакая сила не заставит меня потом спуститься вниз, к тому, что от нее останется на мокрых глыбах... И никакая сила не заставит меня жить в этом мире без нее.

...Светлана все-таки смогла подтянуться, дальше пошло легче, мы поднялись еще метров на десять и (о, счастье!) выбрались, наконец, на покатый и выпуклый, как лоб великана, участок скалы, откуда уже рукой было подать до шумящих на ветру сосен верхнего леса.

Достигнув безопасного места, мы улеглись, переводя дух,

на теплый шершавый гранит. Внизу, по бесконечной глади озера, морщина ее то там, то здесь, пробегали ветры. Справа, если прикрыть глаза от солнца, можно было видеть исток Ангары, там взлетали и садились многочисленные птичьи стаи. Маленький буксир, усердный, как муравей, тянул за собой цепочку бревенчатых плотов...

Светлана придвинулась ко мне, приподнялась на локтях и, глядя прямо мне в глаза, осторожно поцеловала в губы.

Я же мысленно благодарил и Байкал, и Небо, и Судьбу, благодарил всех богов за то, что они отвели от нас эту беду, за то, что они не стали наказывать меня за мою мальчишескую глупость. Еще я думал о том, какое это счастье любить такую девушку и быть с нею рядом! Думал я и о том, что я пока еще ничем не заслужил такого счастья и, если надо будет, готов отдать за него любую цену...

Перед моим отъездом к месту прохождения службы мама совершенно неожиданно устроила мне проводины в духе деревенских традиций. Были приглашены все соседи и друзья, приехали родственники из Копылово и Самодурово. Наверно, русский обычай провожать на службу шумным застольем идет из тех времен, когда в солдаты «брили» на двадцать пять лет, и когда большинство родственников и односельчан фактически прощались с призывником навсегда.

Я призывался на два года и вовсе не солдатом, а офицером, но все равно торжество, представляющее собой что-то среднее между днем рождения и поминками, прошло как положено, и даже не обошлось без обычной для таких гулянок небольшой драки. Самодуровские припомнили копыловским старую обиду: трактористу из Копылово присвоили когда-то звание лучшего тракториста района, хотя Пашка Самодуров, мой двоюродный брат, вспахал в тот год гораздо больше...

Глава 3. Несерьезная дивизия

Служба моя началась в небольшом сибирском городке Нижнеудинске в высокой должности заместителя командира полка по технической части. На армейском жаргоне должность называлась зампотех полка. Несмотря на саднящую досаду от столь печального поворота судьбы, разлучившего меня и с любимой девушкой и с любимой профессией, я все же испытал некоторую радость и даже почувствовал гордость оттого, что я, зеленый еще совсем лейтенант, сразу назначен на должность, которую, как мне сказали, обычно занимает офицер в звании капитана. Скажу больше, присмотревшись внимательно к себе, я даже сумел обнаружить многие несомненные достоинства, которые военное начальство каким-то образом во мне предугадало.

Впрочем, надувал щеки я недолго. Прибывшие в гарнизон несколько дней спустя два других выпускника военной кафедры нашего института получили в своих полках точно такие же назначения. Оказывается, наша дивизия представляла собой не совсем обычную воинскую часть. Это была «кадрированная» дивизия. В ней почти не было солдат. Всего остального – боевой техники, оружия, запасов обмундирования – имелось в избытке, а вот личного состава не было. И только в случае войны за счет срочного набора резервистов предусматривалось превратить дивизию в полноцен-

ную боевую часть.

Утешая себя мыслью, что нет худа без добра, я решил извлечь максимальную пользу из вынужденного двухгодичного отлучения от любимой профессии. Эти два года я не просто перетерплю, я за это время залатаю все свои дыры в профессиональном образовании, а также подтяну свой культурный и интеллектуальный уровень, и сокурсники мои просто поразятся, когда я появлюсь вновь на гражданке и, преобразенный, рвану вверх по карьерной лестнице. Для этой цели я привез с собой в Нижнеудинск два рюкзака книг по геологии, купленных в Иркутске, и два десятка томов классиков литературы из маминой библиотеки подписных изданий.

Кроме того, я рассчитывал, что у меня будет достаточно времени для серьезных занятий поэзией.

Опекал меня в начале моей армейской жизни зампотех дивизии. Первое боевое задание, полученное мною, заключалось в том, чтобы, как он выразился, привести в порядок танки. На военной кафедре, нас учили взрывному делу, танки вживую я не видел никогда, поэтому с волнением приближался к тому месту, где стояли танки нашего полка.

О, это были серьезные машины! Большие, железные! От их брони, нагретой солнцем, так и несло жаром. Их было три.

Только что же тут приводить в порядок? Я посмотрел: гусеницы вроде бы исправные, броня без трещин, стволы, на глаз, некривые. Внутрь танков мне заглянуть не удалось –

было закрыто... Косясь на проходящих мимо офицеров, я полдня с деловым видом топтался около танков: то обходил их вокруг, как бы проверяя, ровно ли они стоят, то озабоченно щупал гусеницы, то заглядывал под днища... Наконец пришел зампотех дивизии и сказал:

– Что же ты их не моешь?!

Ну, это я запросто! Радостный, я побежал в офицерскую столовую, выпросил у тамошних девушек ведро, тряпку, мыло и стал «приводить танки в порядок». Не скажу, чтобы танки были совсем уж грязными. Они, видимо, уже несколько лет не трогались с места, но пыли на них накопилось изрядно.

Утром я бодро доложил зампотеху, что его приказ выполнен.

– Неужели все танки уже помыл? – не поверил он.

– Так точно, товарищ подполковник!

– Ну, тогда... – зампотех замялся, – тогда ты вот что: сегодня займись своими личными делами, а завтра я тебе придду..., э-э, дам другое задание.

На следующий день он сообщил мне, что теперь эти же самые танки надо огородить забором. Некто до меня уже начинал эту работу. По периметру участка, который занимали танки, были вкопаны деревянные столбы. Мне надлежало соединить эти столбы сверху и внизу брусками, а на эти бруски вертикально набить доски.

Назавтра, около полудня, к фронту предстоящих работ

были подвезены пиломатериалы и инструменты, и я приступил к выполнению задания. Эта работа мне нравилась. Главное, как я понял, не нужно было торопиться, чтобы на максимально больший срок освободить командование от хлопот по предотвращению моего праздного шатания в гарнизоне.

Несколько дней спустя, старательно прибывая очередную доску, я почувствовал, что ко мне приближается группа людей. Я поднял голову: это был командир дивизии со свитой. Среди прочих крупнозвездных чинов я разглядел командира нашего полка. Вспомнив, чему меня учили в институте, я поправил фуражку, переложил молоток в левую руку, правой же четко взял под козырек и громко закричал, обращаясь к комдиву:

– Товарищ полковник! Лейтенант Копылов занимается...

Тут я стушевался. Я не знал, как мне закончить бодрый свой доклад. Чем занимается лейтенант Копылов? Приколачиванием доски? Огораживанием танков? Звучит как-то не очень серьезно... В этот момент со всей ясностью представилась мне нелепость того, что я, офицер Советской армии и дипломированный инженер, занимаюсь такой ерундой. Мне стало неловко и за себя, и за командира нашего полка, да и за комдива тоже...

Командир дивизии, так и не дождавшись окончания моего рапорта, скомандовал «вольно» и спросил у командира полка:

– Твой кадр?

– Так точно, товарищ полковник!

– Хорошо, хорошо... – неопределенно сказал комдив и направился вдоль забора, внимательно рассматривая мою работу. Свита потянулась за ним, и все смотрели на мой забор. Я тоже пошел следом и тоже глядел на забор, только теперь как бы глазами комдива, и замечал, что вот здесь брусок как-то не совсем ровно отпилен, а там сучок выпал из доски, и образовалась дырка, в которую какой-нибудь вражеский агент сможет посмотреть на наши танки.

Когда забор кончился, комдив повернулся ко мне и сказал:

– Продолжайте...

После этого группа неспешно стала удаляться в сторону других объектов. Очевидно, у комдива был плановый обход своего хозяйства. Командир полка, задержавшись, поинтересовался: не нуждаюсь ли я в чем, хороши ли доски, хватает ли гвоздей? Я отвечал, что все в порядке, никаких проблем нет. Командир полка был явно доволен тем, как прошел осмотр моего забора, и впервые в интонации его голоса, в его взгляде я почувствовал не то чтобы уважение ко мне, а, по крайней мере, признание того, что я существую. До этих пор он вообще меня как бы и не замечал.

Подоспела осень, и у командования исчезли все проблемы с занятостью офицерского состава. Дивизия усердно стала готовиться к празднованию очередной годовщины Великой Октябрьской революции. Подготовка заключалась в каждо-

дневной репетиции торжественного марша, которым дивизии предстояло пройти перед комдивом в этот знаменательный день. Офицеры, построенные в «коробки восемь на восемь», маршировали до изнеможения на дивизионном плацу. Комдива во время репетиций изображал один из штабных офицеров, стоявший на специальном деревянном помосте, напоминающем детскую горку. Торжественно маршируя, нам нужно было держать ровно шеренги, чтобы «коробка» в движении не превращалась из квадрата в какую-нибудь неуставную фигуру. На подходе к горке мы должны были четко, все одновременно, перейти с обычного шага на строевой и, враз повернув головы, начать косить взглядом в сторону «комдива». Пройдя мимо горки, нам нужно было также четко, разом, перестать косить и перейти на нормальный, человеческий шаг. Это было очень утомительное занятие. Особенно для новичков.

Мне не удалось отметить годовщину Великого Октября торжественным офицерским маршем. Однажды утром, когда я пришел на плац и занял в «коробке» свое уже привычное место (четвертый слева в третьей шеренге), командир полка выцепил меня сердитым взглядом и сказал:

– Копылов, выйди из строя! Ты больше не будешь с нами тренироваться. Иди в штаб дивизии, там тебе все скажут...

В штабе дивизии мне сообщили, что получен приказ о моем переводе в Забайкальский военный округ. Я должен в течение трех суток сдать все дела и отбыть в город Читу, в распоряжение командования указанного округа. Я не был обрадован таким известием. За два прошедших месяца я уже как-то привык и к этой не совсем серьезной службе, и к этому городку, находящемуся не так уж далеко от родных моих мест и от родных мне людей. Кроме того, жалко было расставаться со своим новым другом – Андреем Веселовским, зампотехом соседнего полка, таким же, как и я, двухгодичником, призванным в армию одновременно со мной из нашего института.

...Веселовского я нашел в офицерском общежитии. Он, оказывается, сегодня еще не ходил на службу, так как «вчера отбил все пятки на этом дурацком плацу». Едва я поведал ему о своем отъезде, как из дивизионного штаба примчался посыльный и сообщил, что Веселовского срочно вызывают, и что его, вроде бы, переводят в другое место. Я не поленился сопроводить Андрюшу в штаб. И не напрасно! Выяснилось, что Веселовского также направляют в Забайкалье. Ну вот, хоть переезжать будем вместе! А если повезет, и назначения получим снова в один гарнизон.

В институте мы с Андреем Веселовским, хотя и учились

на одном факультете, были, что называется, шапочными знакомыми. Интересно, что впервые я обратил на него внимание как раз на занятиях по военной подготовке. Начальник военной кафедры полковник Стоцкий водил Андрея из кабинета в кабинет, демонстрируя учебным группам, как не должен выглядеть курсант. На занятиях по военному делу мы звались не студентами, а курсантами.

– Посмотрите на эти бакенбарды! – возмущенно кричал полковник, поворачивая к нам Веселовского то одним боком, то другим. – Разве у советского курсанта, без пяти минут советского офицера, могут быть такие бакенбарды?! Это же Обломов какой-то! Как он сможет постичь военные науки с такими бакенбардами?! А прическа! Вот ведь: по советской земле ходит, хлеб советский ест, а отрастил такие патлы! Мы эту длинноволосую заразу в Чехословакии танками давили, а она у нас здесь теперь, под носом, прет!

Распекая Веселовского, начальник кафедры рассчитывал вызвать у нас волну коллективного порицания, а у самого Андрюши – чувство стыда и деятельное раскаяние. Эффект, однако, был обратным. Нас, как обычно, только забавляла взбалмошная горячность Стоцкого, а сам Веселовский вовсе не выглядел пристыженным или удрученным. Он улыбался, и довольно таки развязно. Видно было, что Андрею совсем не в тягость роль, которая ему досталась в очередном спектакле с участием яростного полковника.

Впрочем, роль эта была рискованной. Яркая одежда, ба-

кенбарды, волосы чуть длиннее двух-трех сантиметров – все это рассматривалось как вызов государственному строю, пособничество врагам социалистического общества. Страна боролась с битломанией и вообще с тлетворным влиянием Запада на советскую молодежь. Не место было проводникам чуждой нам буржуазной культуры в студенческом коллективе, поэтому принципиальные длинноволосые «битломаны» безжалостно отчислялись и тут же призывались в солдаты, где их первым делом стригли наголо.

В день отъезда мы с Веселовским договорились перед следованием на вокзал встретиться у меня. Я снимал угол в частном доме. Если Андрияша и испытывал радость по поводу того, что переезжает вместе со мной, то только до того момента, как переступил порог моей избы. Он-то сам собрался в дорогу с небольшим чемоданчиком и поэтому буквально впал в транс при виде огромного числа баулов, узлов и чемоданов, приготовленных мною для перемещения из Сибири в Забайкалье. Он правильно догадался, что половина этого груза ляжет на его руки и плечи. Преобладающая часть моего имущества именовалась офицерским вещевым довольствием и состояла из комплектов обмундирования и белья в нескольких вариантах: летнее, зимнее, повседневное, парадное, полевое. Его я в самые первые дни службы

получил на дивизионном вещевом складе, а Андрюша, согласно его любимой поговорке «кто понял жизнь, тот не торопится», обходился все это время только бывшим на нем повседневным мундиром. Остальную часть груза составляли мои штатские вещи: одежда, фотоаппарат, фотоувеличитель, увесистые фотоальбомы, гитара, неподъемный, но называемый переносным, магнитофон «Комета», транзисторный радиоприемник «Альпинист», набор гантелей и книги, книги, книги...

Самый переезд, занявший у нас около двух суток, как-то слабо отразился в моей памяти. Припоминаю, что ехали мы в плацкартном вагоне, много и часто ели, вернее, закусывали... Я почти все время сидел с книгой, как бы читая, а на самом деле сторожа свое добро, потому что всякие подозрительные личности шастали по вагону туда-сюда круглые сутки, с нездоровым интересом поглядывая на мои баулы. Поддатый Веселовский, полный, как обычно в этом состоянии, доброго веселья, вел задушевные беседы то с одной, то с другой очередной симпатичной попутчицей, заканчивая эти беседы стандартным предложением выйти в тамбур «покурить»...

Надо сказать, что девицы эти весьма благосклонно принимали Андрюшины знаки внимания. Андрей Веселовский был очень привлекательным молодым человеком. Прекрасно сложенный голубоглазый шатен, чуть выше среднего роста, с чистым открытым лицом, с легким румянцем на ще-

ках и с ямочкой на подбородке – он и в институте слыл первым красавцем. В неторопливых манерах Андрея чувствовалась мужская уверенность, и даже сквозила некоторая вальяжность, придававшая ему, надо думать, в глазах девиц особый шарм. Когда случалось нам с Андрюшей идти рядом, то встречные девушки просто глаза выворачивали, косясь на него, и не припомню случая, чтобы кто-нибудь из них, хотя бы ради вежливости, мимоходом, глянул на меня.

Глава 4. Пиджаки, Шинель и другие

В Чите, в штабе Забайкальского военного округа, мы с Андреем Веселовским, к великой нашей радости, получили назначения не только в один гарнизон, но даже и в одну войсковую часть. До поселка Безречного, где располагалась эта часть, можно было добираться или самолетом, или поездом. После непродолжительной дискуссии мы остановили свой выбор на авиации.

Маленький самолетик, из тех, что называют кукурузниками, с десятком пассажиров на борту, – все были, как и мы, офицерами, – держал курс прямо на юг, в сторону нашей границы с Китаем и Монголией. Много лет спустя, читая мемуары одного из первых советских космонавтов, где он описывает нечеловеческие испытания, которым их подвергали на тренировках, я поймал себя на мысли, что нечто подобное в моей жизни тоже было. И тут я вспомнил этот авиарейс.

Едва мы оторвались от земли, нас стало трясти, как будто мы не летели, а очень быстро ехали по мелко вспаханному полю. Эта дикая вибрация сопровождалась постоянными бросками самолета из стороны в сторону. Кроме того, он то ухал вниз, то взмывал внезапно вверх, куда-то к господу Богу, в существование которого я, несмотря на свои тогдашние

коммунистические убеждения, тут же поверил, остро сожалея при этом, что не знаю ни одной молитвы. Меня стало мутить и тошнить. Внутренности мои оторвались и болтались внутри меня сами по себе...

Мне всегда как-то слабо верилось в рассказы о мужественных героях, прошедших через самые изощренные пытки, но так и не выдавших врагам важные секреты. Думаю, если бы такого героя посадили в этот самолет, он живо бы все рассказал, не прошло бы и десяти минут. Мы же летели не меньше двух часов... У меня даже возникло предположение о злонамеренности пилотов. Один из этих садистов периодически приоткрывал дверь пилотской кабины и выглядывал в салон, чтобы, как мне думалось, посмотреть: все уже блеют, или кто-то еще держится? Меня так и подмывало отстегнуться от кресла, доползти до их кабины и сказать: «Что же вы делаете, гады!», но не было уверенности, что я смогу до них добраться, не получив травм, несовместимых с жизнью. Некоторое, хотя и весьма слабое, утешение мне доставляли наблюдения за совершенно беспомощным зеленолицым Веселовским, выворачивающим себя в очередной бумажный пакет. Ведь это он, баран упрямый, настоял на том, чтобы лететь самолетом, заявив, что его уже тошнит от железной дороги... Тошнило его, видите ли, от железной дороги!

В заключительной части полета сознание, видимо, совсем покинуло меня. Очнувшись, я обнаружил следующую кар-

тину мира: я на слабых ногах стою на земле, которая еще продолжает опасно крениться; рядом, держась за меня, располагается очумелый Андрюша; офицеры, летевшие с нами, рассаживаются по армейским «газикам» и, громко хлопая дверями, дружно отъезжают; а самолетик, мучитель наш, взревев мотором и устроив нам на прощание минутный ураган из пыли и песка, взлетает почти без разбега и удаляется в сторону заходящего солнца. Прочистив глаза, мы видим, что все пространство вокруг нас представляет собой голую каменистую степь, лишь местами вздымающуюся пологими буграми, степь не только абсолютно безлюдную, но и без явных признаков какой-либо человеческой деятельности.

Сошедшись во мнении, что человечество следует искать за ближайшим бугром, за который укатили «газики», мы нагрузились багажом (причем Веселовский постыдно норовил ухватить то, что легче) и на подгибающихся ногах тронулись вокруг бугра, не радые жизни и друг другу. «Верблюд – корабль пустыни!...» – всплыло у меня в памяти название картинки из школьного учебника. Под действием самолетной контузии я, вероятно, произнес эти слова вслух, так как Андрей, приняв их на свой счет, вдруг остановился и сказал с большим выражением:

– Я сейчас, блин, все это твое барахло брошу, и будешь ты, Плюшкин несчастный, сам с ним таскаться!

У меня не было сил даже для оправданий, и я лишь изобразил на лице подобие раскаяния и покорности.

За бугром нам открылся большой сарай с окнами. Рядом со строением торчал столб с прибитым к нему фанерным щитом, на котором было написано:

«Выход на летное поле без сопровождающего строго запрещен!

Штраф – 100 рублей!»

Не оставалось сомнений, что этот сарай и есть аэропорт. Тут из «здания аэропорта» вышел мужчина в мятом штатском пиджаке, но в авиационной фуражке. Он изумленно взирал на нас, как будто мы были инопланетяне.

– Вы откуда взялись? – спросил он вместо приветствия.

– Прилетели, – ответили мы хором.

Мужчина задумался.

– За вами машина не пришла?

– Какая машина? – переспросил я. – Нам в Чите сказали, что от Борзи до Безречного ходит автобус.

– А, так то – от Борзи, а не отседова. А отседова до Борзи еще добраться надо. Верст шесть будет... Вы бы хоть, ребята, каво попросили бы, чтобы вас подбросили до Борзи-то... Машин-то много было и местов в них...

Мы переглянулись, пожимая плечами – ничего такого нам в Чите не сказали.

«Авиатор» оценивающе поглядел на сгруженные у наших ног вещи и сказал сочувственно:

– Ну, пешком, конечно, вам никак... Ладно, пока отдыхайте, а через два часа придет машина со сменщиком. Вот

со мной и уедете до Борзи-то...

И мы завалились с Веселовским на узлы и чемоданы, и я закрыл в изнеможении глаза, а когда через пару минут открыл их, то заново содрогнулся от унылости окружающего нас пейзажа...

Отдельный гвардейский инженерно-саперный батальон – таким было полное наименование нашей новой войсковой части. Батальон имел славную ратную историю. Гвардейское звание он заслужил на полях сражений Второй мировой войны, пройдя с боями от Москвы до Берлина. В штабе части на посту номер один стояло охраняемое круглосуточно боевое красное знамя, пробитое вражескими пулями. Тут же, под стеклом, лежали многочисленные ордена и медали – награды, полученные батальоном за взятые города.

Саперный батальон входил в состав мотострелковой дивизии, части и подразделения которой располагались не только в Безречном, но и в других, соседних с ним поселках и селениях.

Думаю, всем известны слова старинной песни:

«По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,

Плетется с сумой на плечах...»

...но не все знают, что за триста лет существования этой песни здесь мало что изменилось: степи забайкальские как были, так остались дикими.

Трудно отыскать на Земле другое такое место, столь мало приспособленное для обитания человека. Наверное, надо тут родиться и не знать ничего другого, чтобы жить здесь по доброй воле. Безбрежная слабовсхолмленная равнина, не имеющая почти никакой древесной растительности, лишь весной да в первую половину лета радует глаз нежной зеленью молодой травы, но затем засуха и безжалостное солнце опаляют холмы, и степь становится пожухлого желто-бурого цвета. А зимой беспрестанные ветры гонят по степи серые тучи из песка и грязного снега то из всегда дружественной нам Монголии, то из недружественного нам в то время Китая.

Оставленная нами в Сибири кадрированная дивизия располагалась в великолепном сосновом бору и представлялась нам теперь раем, из которого мы были несправедливо изгнаны.

Гражданское население Безречного проживало в одноэтажных деревянных бараках и избах, сосредоточенных вблизи одноименной железнодорожной станции. Всех но-

вичков, прибывающих в дивизию, начальство сразу предупредило, что местное население представляет собой остатки банд атамана Семенова, воевавшего в Забайкалье против большевиков во время Гражданской войны. Недобитые семеновцы и их потомки по сей день сохранили свою враждебность и к Советской власти, и к Советской армии, поэтому военнослужащим не рекомендовалось вступать с аборигенами ни в какие контакты. Конечно, такая пропаганда имела своей целью предупредить самоволки солдат, мы же с Андреем в дальнейшем убедились, что, по крайней мере, внуки недорезанных семеновцев относятся к Советской армии, а особенно к советским офицерам, вовсе не враждебно, а совсем наоборот.

Гарнизон – место расположения штабов, солдатских казарм, парков боевых машин, складов и других военных объектов – был огорожен бетонным забором. С внешней стороны забора, уже в самом поселке, стояли дома офицерского состава, так называемые ДОСы. Здесь же располагались военный магазин, госпиталь, Дом офицеров, офицерская столовая, офицерская гостиница, баня и гарнизонная гауптвахта. Сначала нас с Веселовским поселили в гостиницу. Одну из трех коек в нашем номере занимал капитан с эмблемами связиста – угрюмый, неразговорчивый человек. Грохот его будильника поднимал нас по утрам. Заглушив будильник ударом волосатой руки, капитан спускал с кровати еще более волосатые ноги и, обхватив руками вскло-

коченную голову, сидел так минут десять, приходя в себя. При этом он повторял с непередаваемым трагизмом: «Ё.....е Забайкалье, ё.....е Забайкалье...». Вечером, опять же сидя на кровати, капитан из горлышка высасывал бутылку вина и сразу заваливался спать. Утром следующего дня сцена пробуждения повторялась, из чего резонно было заключить, что он каждый раз рассчитывал проснуться каким-то чудесным образом в другом месте.

Через месяц нам с Андреем была выделена однокомнатная квартира в ДОСе. Были в Безречном ДОСы, представляющие собой вполне приличные четырехэтажные и пятиэтажные кирпичные дома, наш же ДОС являл собой замшелый двухэтажный деревянный барак на десять квартир. В таком же бараке мы с мамой жили в Листвянке.

Квартирка наша лишена была каких-либо коммунальных удобств. Воду мы носили ведрами из колонки, расположенной на улице. Отапливалась квартира печью-голландкой, благо уголь и дрова мы получали бесплатно. Другой существенной льготой, которую мы не имели на прежнем месте службы, был так называемый забайкальский паек – набор продуктов, выдаваемый ежемесячно каждому офицеру. Из этого пайка мы с Веселовским забирали мясо, сливочное масло, наиболее вкусные консервы, а остальное – всякие там крупы да рожки-макарошки – отдавали семейным офицерам.

Я был далеко не гурманом, по большому счету мне бы-

ло все равно, что есть, лишь бы утолить голод. Андрей же, наоборот, терпеть не мог питаться как попало. К тому же, и это стало приятной неожиданностью, Андрюша оказался не только любителем вкусно поесть, но и человеком, умеющим вкусно приготовить. Несмотря на мой кулинарный аскетизм, мне было приятно, когда Веселовский, поколдовав на кухне с мясом, овощами и яйцами, приносил оттуда большую, жаркую, скворчащую сковороду, и восхитительный запах заполнял комнату. Тогда я шустро соскакивал с кровати, чтобы освободить место на столе, внести, так сказать, свои пять копеек... И как-то всегда выходило, что, какое бы блюдо Андрей не приготовил, его нельзя было есть, не запивая вином.

В безреченском военторге был исключительно богатый выбор качественных болгарских и венгерских вин. От фасонистых бутылок с яркими этикетками глаза разбегались. Вероятно, наличие изысканного винного ассортимента в военторге объяснялось тем, что и в Болгарии, и в Венгрии, как и во всех других государствах Восточной Европы, стояли наши войска, и оттуда шли поставки вин по каким-то особым армейским каналам.

Многогранный Веселовский, имеющий с детства страсть к коллекционированию (марки, монеты, минералы), обожающий в качестве кулинарного эстета всякие дегустации и, наконец, обладающий приобретенным в студенческие годы стойким энтузиазмом по отношению к спиртному, был по-

трясен счастливой возможностью сочетать три в одном. Он стал коллекционировать бутылки из-под продегустированных вин. Вскоре он заполнил ими большую, во всю стену, полку над своей кроватью, а потом и подкроватное пространство. Соотнеся темпы бутылочной экспансии с размерами нашей квартиры, я понял, что через пару месяцев она будет выглядеть как пункт приема стеклотары. И я возмутился. Андрей, как выяснилось, тоже был уже не рад. Стоило ему только сделать на кровати неосторожное движение, как бутылки с веселым звоном вываливались из-под нее на свет божий и раскатывались по всей комнате. После моего демарша он нагрел воду в алюминиевом тазу и целый день посвятил отпариванию бутылочных этикеток. Добытые этикетки он без промежутков наклеил на стену над своей кроватью и в дальнейшем пополнял свою коллекцию именно таким образом.

Забегая вперед, скажу, что к концу нашей службы вся Андрюшина стена от пола до потолка была оклеена этикетками. Причем Андрей старался, чтобы картинки в этом панно не повторялись. Конечно, к тому времени коллекция отражала не только то, что мы покупали в нашем славном военторге, но и то, что мы с Андреем распивали, вместе или порознь, будучи в отпуске и в командировках. Кроме того, едва только слух о необычном хобби двухгодичника из саперного батальона распространился по поселку, к нам потянулись сочувствующие и любители со своими образцами

на нашу закуску. Прежде всего, из числа тех офицеров, чьи жены не одобряли их страсть к дегустации спиртосодержащих жидкостей. Среди членов клуба были не только ценители марочных вин, поэтому коллекция прирастала этикетками различных водок, коньяков, ликеров, настоек и портвейнов и являла собой, таким образом, яркую иллюстрацию алкогольных пристрастий, а вернее, алкогольной всеядности советского офицерского корпуса.

Раз уж я начал описывать наш быт, не удержусь от упоминания о том, что в характере Андрея Веселовского при совместном моем с ним проживании обнаружились довольно скоро существенные отрицательные черты. Прежде всего, меня убивала его бардачность, то есть неспособность или, скорее, упорное нежелание поддерживать порядок. Он мог спокойно, день за днем, как будто ничего не происходит, наблюдать за тем, как наша квартира все более и более превращается в свалку вещей и мусора, и даже пальцем не шевельнуть для наведения порядка. На столе засыхали остатки пищи, громоздились грязные сковороды, кастрюли и миски, которые он сам же и натаскал из кухни, и которые он и не думал уносить обратно, не говоря уже о том, чтобы их помыть. Вероятно, все же существовала какая-то «критическая масса» бардака, при которой Андрей уже не выдержал бы и взялся-таки за уборку, но практически мы до этого рубежа так ни разу и не дотянули, потому что раньше не выдерживал я — и, засучив рукава и штанины, принимался чистить авгиевы

конюшни.

Словом, постепенно установилось такое негласное распределение домашних обязанностей: Веселовский отвечает за кормежку, а я – за порядок в квартире.

И здесь, в Забайкалье, мы с Андреем получили назначения на должности зампотехов. Однако теперь мы были не зампотехами полков, а всего лишь зампотехами рот, что, безусловно, более соответствовало нашим лейтенантским погонам и нашему никакому опыту. Полное название моей новой должности звучало так: заместитель командира технической роты по технической части. В задачи технической роты входило устройство различных сооружений для личного состава и боевой техники – окопов, траншей, всяких ДОТов и ДЗОТов, командных пунктов, укрытий и много еще чего, связанного со строительством в земле и под землей. Как зампотех я в своем непосредственно подчинении солдат не имел, но зато я отвечал за боевую готовность трех десятков единиц техники. В это число входили военные грузовики, автокраны, экскаваторы и разнообразные, порой просто диковинные, землеройные машины. Всех их объединяло одно – я в них совершенно не разбирался. Меня к ним как-то не тянуло, можно даже сказать: они меня пугали...

Командиром технической роты и моим непосредствен-

ным начальником был старший лейтенант Жеребцов. Высокий, большерукий, с густыми пшеничными усами на аскетичном лице, Виктор Жеребцов входил в число тех людей, что предпочитают больше делать, чем говорить. Вот он-то, как раз, в технике разбирался прекрасно, он просто обожал ее. Порой, не доверяя никому, он сам лез под капот «занемогшей» машины и лечил ее своими руками, а солдаты, как ассистенты хирургу, только подавали ему нужные инструменты. Пятна от машинного масла украшали его мундир, а многочисленные ссадины – руки. Моя явная неприязнь к механизмам была ему не понятна, но он на меня сильно не давил, надеясь, видимо, что я со временем пообвыкнусь и потяну ляжку зампотеха в полную силу. Пока же эту ляжку ему приходилось, по существу, тянуть самому. Вообще, как я стал понимать позже, он тогда работал за пятерых. Кроме того, что ему достался в моем лице совершенно никчемный зампотех, в его роте из трех положенных офицеров-командиров взводов был только один, да и тот, как и я, двухгодичник.

Командир взвода подземных укрытий лейтенант Степанчиков, небольшого роста, полноватый, с доброй улыбкой на округлом лице, всегда находился в прекрасном расположении духа. До увольнения в запас ему оставалось всего несколько месяцев. В идеально чистом и ладно подогнанном к его полноте мундире он исправно, по часам, приходил на службу и также точно, по часам, покидал расположение

части. И к офицерам-сослуживцам, и к солдатам Степанчиков обращался только на «вы», что среди обычно-привычных ругани и мата выглядело комично. Подчиненные Степанчикову солдаты, если рядом не было командира роты, откровенно игнорировали приказы своего взводного, что последнего не особо волновало. «Сельская интеллигенция, пиджак!» – презрительно отзывался о нем Жеребцов.

Большинство офицеров батальона относились не только к Степанчикову, но и к нам, начинающим офицерам-двухгодичникам, с плохо скрываемым пренебрежением и насмешкой. Да что там офицеры, даже некоторые солдаты из числа старослужащих делали попытки построить отношения с нами по схеме: вы, хоть и лейтенанты, но все равно молодые салаги, а мы – уважаемые «деды Советской армии».

Как-то раз Жеребцов в рамках ненавязчивого воспитания во мне любви к технике, поручил мне сходить в соседний артиллерийский полк и принести оттуда ротор. Ротор ему обещал там один знакомый капитан. Я постеснялся спросить командира роты – что это за ротор такой; ну, думаю, раз уж он там договорился, то дадут то, что надо. А сам прикидываю, что же это такое? Вспоминаю из школьной программы: статор, ротор, турбины, гидроэлектростанции, Братская ГЭС... В общем, решаю, надо брать с собой солдат побольше, чтобы его, этот ротор, дотащить. Хватит ли отделения – семь человек? Ладно, если не хватит – вызову на подмогу еще одно... На всю жизнь я запомнил взгляд обалдевшего капитана-ар-

тиллериста, которым он окинул меня и моих бравых солдат, когда мы подошли к нему строем, и я доложил, что мы прибыли от Жеребцова, чтобы забрать ротор.

– Вы что, совсем уже там ох..ли в своем саперном батальоне?! – только и промолвил он, доставая из нагрудного кармана маленькую пластмассовую детальку и вручая ее мне...

Когда мы вернулись в расположение батальона, Жеребцов заметил необычную веселость моих солдат, и мне пришлось все ему рассказать. Он долго ржал, а затем сказал солдатам строго:

– Никому об этом не трепаться! Не хватало еще, чтобы над нами в других ротах смеялись!

А вот Андрею Веселовскому с ротным не повезло. Командир дорожной роты старший лейтенант Попов считал себя исключительно талантливым офицером и не сомневался в своей будущей блестящей карьере. К своим сослуживцам он относился как к массовке на съемках фильма про его замечательную жизнь. У Попова была этакая суперменская манера поведения: стальной взгляд исподлобья, резкость в движениях, категоричность в высказываниях. Он приходил в бешенство, если его приказы исполнялись не так быстро, как ему хотелось. При этом он не желал слушать никаких объяснений и пачками раздавал подчиненным взыскания. Попов

хотел непременно сделать свою роту образцово-показательной, лучшей не только в батальоне, но во всем Забайкальском округе, и раздражался из-за того, что ему, такому прекрасному командиру, достались в подчинение такие бестолковые офицеры и солдаты...

Однажды Андрей пришел со службы, едва волоча ноги, потный и грязный, как никогда прежде. Он рухнул на кровать и сказал, немного отдышавшись:

– Этот придурок Попов уже всех задолбал! Представь, сегодня он устроил роте бег в противогазах! Мы, как идиоты, бегали в противогазах по степи вокруг поселка, а он, сволочь такая, ехал за нами в машине и еще подгонял! Я чуть не сдох!.. Хорошо хоть мне на втором круге солдаты подсказали спичку в клапан вставить. Оказывается, вся рота бежала со спичками в клапанах, один я задыхался!..

Старшего лейтенанта Попова не любили солдаты, за его спиной над ним смеялись офицеры-сослуживцы, да и командование батальона было не в восторге от такого дерганого командира роты, помешавшегося на карьере. В армии самый верный способ избавиться от неудобного офицера – это порекомендовать его вышестоящему командованию, как одного из лучших, на повышение. Вследствие этого, бывало, что не только самолюбивые карьеристы, но и откровенные лоботрясы продвигались по службе быстрее офицеров-тружеников. В случае с Поповым все ждали, когда же он, наконец, поступит в Военную академию. Ему давали прекрас-

ные рекомендации, выделяли время для подготовки к экзаменам, но он проваливался из года в год. В батальоне ходил анекдот. Будто бы возвращается в очередной раз Попов из Москвы, и комбат его спрашивает: «Ну, ты хоть что-нибудь сдал?». Попов отвечает: «Больше сдал, чем не сдал – мочу сдал, кровь сдал, кал сдал... только лишь физику и математику не сдал!».

Наша служба в этот период сводилась к трем основным занятиям: к работе в парке по ремонту и обслуживанию техники, к дежурству в нарядах и к занятиям с личным составом в учебных классах. По причине острой аллергии на военную технику работа в парке меньше всего мне нравилась. Суровая забайкальская зима уже полностью вступила в свои права. Приведя своих солдат после утреннего развода в парк, я некоторое время топтался около них на пронизывающем ветру, наблюдая, как они что-то там делают в непонятных мне оледенелых машинах, а потом пятился потихому на КПП парка, где в теплой комнате дежурного офицера можно было отогреться, и куда постепенно стягивались все младшие офицеры батальона.

В густой завесе табачного дыма порой только по голосу можно было узнать офицера, стоящего у противоположной стены. Даже самая незамысловатая шутка и самый прими-

тивный нижепоясовой анекдот принимались здесь «на ура» и отмечались взрывами молодого здорового смеха. Этот «перекур» мог продолжаться до самого обеда, если раньше веселую офицерскую компанию не спугивал комбат или кто-нибудь из его заместителей, обнаруживших, что парк, где в это время по расписанию должен работать весь личный состав батальона, вообще пуст, так как безнадзорные солдаты тоже норовили в такую пору рассредоточиться по теплым местам – кочегаркам, сушилкам и каптеркам.

Командиром нашего батальона был майор Коблов, недавно закончивший военную академию и прибывший в часть всего месяца за два до нас. Говорили, что у него есть «мохнатая рука» в штабе округа, и что он долго в батальоне не задержится, а скоро пойдет на повышение. Это был высоченный, атлетически сложенный, слегка грузноватый мужчина под сорок с постоянным постно-брезгливым выражением на бульдожьем лице. Предыдущий комбат уволился из рядов Вооруженных сил по выслуге лет еще до приезда в часть Коблова, и в этот промежуток обязанности командира исполнял замполит майор Оксенчук. Замполит, похоже, вошел во вкус командования и еще какое-то время после прибытия нового комбата вел себя так, словно именно он в батальоне настоящий командир. Коблов, казалось, относился к этому спокойно, но однажды он при всех так грубо поставил замполита на место, что все поняли: двоевластие закончилось. Оксенчук после этого сразу ушел в тень и стал тихо

делать свою обычную работу: руководить политзанятиями, организовывать наглядную агитацию и солдатскую самодеятельность. Ходили слухи, что у замполита в каждой роте, как среди солдат, так и среди офицеров, есть тайные осведомители, и что он регулярно пишет в политотдел дивизии донесения о настроениях среди военнослужащих батальона.

Командир части из-за своего пристрастия к уставной форме одежды получил среди солдат прозвище «Шинель». Вообще-то, уставная зимняя форма одежды – шинель и сапоги – мало подходит к забайкальским условиям. Ни шинель, ни сапоги не спасают здесь от мороза. Все офицеры гарнизона, за исключением тех, служба которых проходила в теплых штабных помещениях, одевались зимой в ватные бушлаты и в громоздкие, ватные же, штаны. Счастливики, близкие к тыловой службе, носили зимние танковые комбинезоны на меху. Самая популярная обувь – серые армейские валенки. В ватных куртках ходили и солдаты, хотя им так полагалось одеваться только во время ремонта техники. Ротные командиры смотрели на это сквозь пальцы, комбат же этого нарушения воинского порядка не выносил. Выявив на территории вверенной ему части бойца в телогрейке, он подзывал его к себе, брал за грудки и, тряся солдатика, шипел сквозь зубы: «Где твоя шинель, мать твою?!».

Вскоре у комбата появилось новое прозвище, так и оставшееся за ним до конца нашей службы – «Боксер». Оказалось, что комбат в молодые годы успешно занимался боксом, что

не все навыки им утрачены, и что он кое-что может и теперь: застанет где-нибудь в каптерке или в сушилке одинокого солдата – и по морде его, сонного, по морде, чтобы неповадно было спать, когда другие находятся на занятиях или в парке! Я сначала не очень в эти рассказы верил, но однажды на офицерском собрании Коблов заявил, что каждый офицер обязан добиться среди своих подчиненных абсолютного авторитета, и сопроводил эти слова поднятием вверх своего огромного кулака, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что конкретно он имеет в виду...

Чуть ли не на следующий день после нашего прибытия в Безречный Веселовского назначили в наряд старшим патруля. Ему выдали красную повязку, пистолет без патронов и придали двух солдат, вооруженных штык-ножами. Патруль должен был выявлять и задерживать самовольщиков и вообще следить за порядком в поселке. Однако в частный сектор поселка с наступлением темноты патрулю заходить запрещалось, так как были случаи нападения на патруль неустановленных лиц с целью отъема пистолета.

Патроны же не выдавались уже почти год, после того, как подвыпивший начальник патруля – вольнонаемный прапорщик из танкового полка – застрелил свою жену и сослуживца капитана. Поздним вечером, патрулируя около родимых

окон, прапорщик не удержался и просто так, без всякой задней мысли, зашел домой и обнаружил, что его жена на брачном ложе отнюдь не одна...

Зоной особого внимания для патрулей был гарнизонный Дом офицеров, где воскресными вечерами устраивались танцы, и где, случалось, возникали стычки между офицерами и половозрелыми аборигенами мужского пола, которые, будучи в подпитии, заходили сюда в поисках своих заблудших подруг и для демонстрации своего забайкальского норова. И вот как раз в воскресный вечер и выпало дежурить Андрею Веселовскому. Выставив вперед повязку и стуча сапогами, зашел он со своими бойцами в Дом офицеров и сразу обнаружил беспорядок. Какой-то оголтелый, хоть и в возрасте, штатский сцепился с офицером и все норовил ударить того в область лица. Андрей видит, что окружающие пытаются их разнять, но делают это как-то не очень энергично, как бы для виду. «За мной!» – дал команду Андрей своим патрульным и решительно бросился к дерущимся. Первым делом он нейтрализовал наглого штатского – заломил ему руки за спину, а затем поволок его к выходу, несмотря на то, что гражданин лягался, как бешеная лошадь, и ругался, как сапожник. Андрюша, хоть и занимался в студенчестве, на первом курсе, вольной борьбой, удерживал штатского не без труда, так как противник значительно превосходил его в весе. Тут Андрей заметил, что солдаты его действуют как-то бестолково. Вместо того чтобы хватать дебошира

за ноги, не давая ему брыкаться, они, стараясь перекрычать грохот музыки и шум, сопровождающий всю эту возню, пытаются дать ему, Андрею, какие-то инструкции... До слуха Веселовского доносится: «Наш, это наш! Майор Тодоров!». «Какой Тодоров? – спрашивает Андрей, – причем здесь Тодоров?». И тут вдруг до него дошло, руки его опустились, и он понял, что произошло страшное и непоправимое. Тот, кого он скрутил, был никто иной, как начальник штаба нашего саперного батальона майор Тодоров, который как раз накануне и инструктировал Андрюшу перед выходом в наряд. Андрей не узнал его, так как начштаба пришел на танцы в штатском, и вообще Веселовский видел его второй раз в жизни.

На высоком крыльце Дома офицеров разгоряченный Тодоров произнес обращенную к Андрюше громовую пламенную речь, в которой и сам Андрей, и все его ближайшие родственники во всевозможных вариантах словосочетались с названиями разных срамных мест.

Начальник штаба майор Тодоров был большим и шумным. Где бы он ни начинал держать речь, его рокочущий бас без всяких усилий с его стороны легко достигал самых укромных уголков расположения части и распространялся далее, накрывая соседние полки и батальоны. Тодоров был завзятым матерщинником и кладезем специфического армейского юмора. Его слегка одутловатое лицо с красным пористым носом указывало на его любовь к выпивке, вместе

с тем за все время нашей службы не было случая, чтобы он находился в распоряжение части в нетрезвом виде. Первые дни мы с Веселовским боялись начальника штаба больше других старших офицеров батальона и старались обходить его стороной, но вскоре поняли, что этот громогласный майор на самом деле добрейшей души человек. Провинившемуся солдату или офицеру нужно было только смиренно переждать гром, молнии и матерщину, потому что за нами неизбежно следовали прощение и доброжелательное наставление. Срок службы майора Тодорова подходил к концу, он не ожидал уже ни повышения в звании, ни повышения в должности. И, может быть, не только одной его природной добротой объяснялось его отеческое отношение к подчиненным, а еще и тем, что ему уже не нужно было выслуживаться, а можно было просто служить.

Был в предпенсионном возрасте и заместитель командира части по тылу майор Варданян. Он ведал вещевым и продовольственным снабжением, руководил работой солдатской столовой. Интересно, что на всех подведомственных ему солдатских должностях служили исключительно его земляки-армяне, то есть все повара, хлеборезы, завсклады, свиари и их помощники в нашей части были только армянами. Любой армянин-новобранец, прибывающий в наш гвар-

дейский батальон, автоматически попадал в хозяйственный взвод.

Вскоре мы с Андреем узнали, что Варданян, хотя и носит майорские погоны, на самом деле не майор, а только капитан. Капитан Варданян стал носить майорские погоны еще при прежнем командире части. Произошло это следующим образом.

Зам по тылу Варданян давно уже ждал присвоения очередного звания, но оно что-то все задерживалось. Варданян был скуповат и прижимист, особенно он дискриминировал младших офицеров, придерживая дефицитные продукты и вещи для нужных людей и высших чинов. Молодежь решила его разыграть. Однажды, когда дело уже было к вечеру, они шумной толпой ввалились к нему в кабинет и стали наперебой поздравлять с присвоением майорского звания. Они сказали, что был звонок из штаба дивизии, что соответствующий приказ, надо думать, уже у комбата, и завтра он его зачитает перед строем, а сегодня они ждут банкета...

Седовласый армянин, не думая, что так можно шутить над святым, на этот раз не поскупился. Он привел всю честную компанию в свою холостяцкую квартиру и выставил на стол такие дефициты, о существовании которых большинство шутников и не подозревали. Гвоздем пирушки был настоящий первоклассный армянский коньяк, специально припасенный Варданяном к этому событию. Словом, ребята чудесно повеселились, но на следующее утро им было

не до смеха, так как сияющий Варданян пришел на службу в погонах с большой майорской звездой – так ему не терпелось. Варданян хоть и был жмотом, но, по большому счету, человеком он был не вредным, и, надо сказать, никто и не рассчитывал, что шутка зайдет так далеко. Перед утренним построением делегат от заговорщиков чистосердечно поведал обо всем командиру части, и Батя (таким было прозвище прежнего комбата), вникнув в ситуацию, сделал вид, что не заметил появления еще одного майора среди своих заместителей. После развода, однако, новоиспеченный майор, расстроенный забывчивостью командира, напомнил ему о приказе, и Анохин, кляня про себя неуклюжих юмористов, тепло поздравил Варданяна с повышением в звании, заметив, что официальный приказ, видимо, где-то подзадержался, поэтому он ничего и не объявил перед строем, а так, да, он слышал, что кто-то звонил...

Через несколько дней напрасного ожидания Варданян сам все понял, а может быть, ему кто-либо обо всем рассказал. Тем не менее, майорские погоны он уже не снял, и все стали к нему обращаться как к майору. Несмотря на преклонный (как нам тогда казалось) возраст и седину, выглядел Варданян молодежью. Стремительной походкой курсировал он между штабом, столовой, складами и свинарником, на ходу отдавая приказы землякам, и, ничего не скажешь, порядок во вверенном ему хозяйстве был отменный. Варданяну приходилось много разъезжать по окрестным селениям, и,

в силу своего кавказского темперамента, он не мог пропустить ни одной девушки, чтобы не заговорить с нею и не сделать ей комплимент. Если же, сидя в кабине хозвзводовского грузовика, он видел какую-нибудь нестарую еще особь женского пола, идущую по обочине или по тротуару, он непременно просил водителя притормозить и посигналить. Шофер давил на тормоза и на клаксон, а Варданян тотчас же высовывался из окна, давая прелестнице возможность обозреть свою приветливо улыбающуюся физиономию с орлиным носом и пышными усами...

Глава 5. Куда солдата ни целуй...

Это была самая муторная зима в моей жизни. Тяжкой уни- зительной каторгой воспринималось мною мое армейское существование, в котором меня ни на минуту не оставляло ощущение собственной ущербности и никчемности.

Каждый вечер, едва дождавшись времени, когда на- конец-то можно было покинуть часть, я чуть ли не бегом от- правлялся домой. Из серого забайкальского сумрака поры- вистый ветер швырял мне в лицо песок и грязную снеж- ную пыль, в ногах путался мусор, шлейфы которого тяну- лись из многочисленных поселковых помоек, где бродячие собаки и выпущенные на вольные хлеба костлявые коровен- ки рылись в поисках пропитания. Скорей, скорей снять с се- бя этот ненавистный мундир, эту португею, намозолившую бока, эти пудовые вонючие валенки и, нагрев воды, смыть с себя грязь и пот! Затем немудреный ужин – и вот он мо- мент, которого ждал с утра: с геологической книгой в руках я устраиваюсь на кровати и... засыпаю. Ну, никак у меня не получалось повышать свой профессиональный уровень! Усталость – не столько физическая, сколько моральная – убивала весь мой энтузиазм.

Ничего не выходило у меня и с поэтическим творче- ством – за прошедшие с начала службы полгода я сочинил лишь два восьмистишия, посланные Саньке Пригожину ко

дню его рождения:

Мой друг, с которым я, бывало,
стипендию и покрывало
не раз делил и все пять лет
вино удач и горечь бед
пил поровну из рога жизни,
пожав мне руку, в край не ближний
уехал, чтобы там начать
и счастье, и руду искать...
И я – геолог, но иною
я дальше тронулся тропюю.
Легли на плечи мне пока
совсем не лямки рюкзака,
а лейтенантские погоны.
И, как от гибельной погони,
я уходил от мысли той,
что обворован я судьбой...

Андрей Веселовский, баловень судьбы и любимец женщин, тоже сник. Прошло то время, когда мы за бутылкой хорошего вина коротали вечера, делаясь впечатлениями прожитого дня и сладостными воспоминаниями о прошлой студенческой жизни. Бутылка вина на двоих уже не могла привести Андрея в бодрое состояние духа, ему для создания хорошего настроения нужно было и больше, и крепче. Вот тут я для него не был хорошим компаньоном. И совсем не по моральным причинам, как я мог бы представить, или вы пред-

положить, но, главным образом, из-за физиологических различий наших организмов. Дело в том, что если Веселовский, набирая градусы, становился все жизнерадостней и жизнерадостней, то мне после краткой эйфории, вызванной первой, и сравнительно небольшой, порцией алкоголя, от дальнейших доз становилось все тоскливей и тоскливей. Различались и завершающие стадии: идущая круто вверх кривая пьяной Андриюшиной восторженности завершалась молодецким отрубом, мое же прогрессирующее уныние переходило обычно в тяжелое недомогание с симптомами банального пищевого отравления при полной и беспощадной ясности сознания.

Говоря короче, в наших застольях я добровольно сходил с дистанции в самом начале пути, поэтому Андрею со мной было неинтересно. Однако же, как ранее упоминалось, попутчиков в гарнизоне найти было совсем несложно, и, возвратившись со службы, я частенько заставал дома шумную компанию, ушедшую уже довольно далеко. Благо, если бы они просто выпивали и, быстренько дойдя до кондиции, начинали расползаться по домам. Нет, они в качестве морального самооправдания, а также для нейтрализации моих возможных протестов «расписывали пулюку», то есть, как бы занимались серьезным делом, и этот преферанс затягивался у них порой до утра. При этом они нещадно курили, что мне, некурящему, было особенно в тягость.

Но все-таки пять лет предыдущей жизни в студенческом

общежитии достаточно закалили и мой характер, и мой организм, поэтому если я и выказывал свое недовольство происходящим, то в достаточно мягкой форме, а порою и сам садился за карты, когда не хватало игрока для комплекта.

И не раз случалось, что на следующий день лейтенант Веселовский по причине сильного похмельного недомогания был не в силах прибыть с утра на службу, и все чаще его фамилия стала появляться в приказах по батальону с формулировкой «объявить выговор».

Компанию Андрею составляли молодые, не обремененные семьей офицеры как нашей, так и других частей, но забредали порой к нам и женатые «шланги». «Шланги» – так часто называли друг друга офицеры Безреченского гарнизона. Этот термин пошел от широко бытовавшего в офицерской среде выражения «прикинулся шлангом». Оно применялось для характеристики человека, изображающего крайнюю тупость и неосведомленность, чтобы избежать возложения какого-либо поручения или ответственности за какое-нибудь дело. Умение грамотно прикинуться шлангом приходило с опытом, поэтому обращение «шланг», хотя и имело, без сомнения, ироничный оттенок, все же произносилось не без уважения. Самые виртуозные «шланги» удостоивались эпитета «гофрированный». «Шланги» в звании от капитана и выше обычно звались «баллонами»...

Преферанс был самым массовым, если не единственным, интеллектуальным занятием безреченских офицеров. Теле-

видение приостановило свое триумфальное шествие по стране далеко на подступах к этой части страны Советов; кинофильмы, которые демонстрировались в Доме офицеров, как правило, были сняты в период от «Броненосца «Потемкина» до «Чапаева» – их знали наизусть, и широкие офицерские массы они не привлекали. В кинозале заполнялись обычно только задние ряды, да и то зрителями, сидящими исключительно попарно, на экран почти не глядящими и готовыми доплатить, чтобы на время сеанса кинопроектор вообще не включался.

В этих условиях выпивка как способ времяпрепровождения здоровых молодых людей, естественно, выходила на первое место. Офицерское денежное довольствие (а мы с Веселовским «зарабатывали» почти в два раза больше, чем наши однокашники, ставшие инженерами) позволяло пить и много, и со вкусом.

В ночь с воскресенья на понедельник, после танцев, Андрей большей частью дома не ночевал. Я не сомневался в его исключительных успехах у безреченских девушек и женщин, но, скажу сразу, Андрей никогда не хвастался своими победами и не рассказывал мне о своих любовных похождениях. Наши (мои и Веселовского) отношения с противоположным полом как-то сразу были исключены из числа тем, нами обсуждаемых. Я же на танцы не ходил. И не потому, что дал себе некий зарок «блюсти верность» моей Светланке, а просто не было никакого желания общаться с другими девушками.

По воскресеньям я читал художественную литературу (осилил-таки «Войну и мир»!), изучал уставы и наставления по различным военным дисциплинам, готовил конспекты для занятий с личным составом и писал письма маме и Светлане. Оберегая маму от излишних переживаний, в письмах к ней я изображал армейскую службу так, как ее показывали в советских фильмах. В соответствии с принятым сценарием я был горячо любимым солдатами командиром и пользовался большим авторитетом у командования и у коллег-офицеров. Все вокруг были абсолютными трезвенниками и отличниками боевой и политической подготовки, а климат в Забайкалье был мягкий, средиземноморский.

В одном из своих писем мама сообщила мне о двух печальных событиях, произошедших почти одновременно. Сначала в Самодурово умер мой дед Николай Филиппович. Как обычно, он пришел домой вечером сильно выпившим, лег спать и уже не проснулся. Согласно диагнозу сельского фельдшера дед Николай «сгорел от самогонки». После похорон мама забрала бабу Таню к себе в Листвянку. А через неделю ей пришлось поехать на новые похороны, теперь в Копылово, где погибли сразу оба моих дядьки. Пьяный лихач на самосвале сбил их поздним вечером на тракте, когда они, обнявшись, возвращались домой после гулянки с другого конца деревни.

В письмах к Светлане я почти не касался службы и всей окружающей меня жизни, я уходил в воспоминания, я погру-

жался в наше с ней прошлое, переживая его заново, но уже с удесyтеренной силой восторга, потому что теперь я знал ему настоящую цену. От воспоминаний я переходил к планам и мечтам о нашей будущей жизни, еще более замечательной. Едва закончив письмо, я тут же, еще даже не отправив его, начинал с нетерпением ждать ответа. Ответ приходил не скоро. Бывало, не дождавшись, я посылал следующее письмо вдогонку. Письма Светланы были не только редкими, но весьма лаконичными. Впрочем, она всегда была сдержанной в проявлении чувств. Что поделаешь, сибирский характер...

На исходе февраля стало известно, что армейский корпус, в который входит наша дивизия, формирует сводный отряд для заготовки леса в Иркутской области. Приказом комбата в этот отряд была выделена понтонная рота в полном составе, а также треть нашей технической роты во главе со мной. Зачитав перед строем приказ, комбат добавил от себя, что отсутствие понтонеров не сильно скажется на боевой готовности нашей гвардейской части, так как, если Китай вдруг вздумает в это время на нас напасть, еще два-три месяца все реки на территории возможных боевых действий будут покрыты льдом. Про меня он ничего не сказал, но и так было понятно, что мое отсутствие тоже не сильно понизит боевые

возможности саперного батальона.

Я был рад командировке. Да из этого Забайкалья – хоть на Луну! А тут – в родную Сибирь! Может быть, даже удастся повидать маму и Светлану...

Правда, радостное настроение от предстоящей поездки несколько омрачалось тем, что мне впервые в жизни предстояло руководить людьми. Два десятка солдат из нашей роты, которые поедут со мной, теперь будут подчиняться непосредственно мне: я буду нести ответственность за все, что произойдет с ними, за их здоровье, за их жизнь, а также за все, что они сделают или, боже упаси, натворят. Беспокойство мое еще более усилилось, когда Жеребцов объявил список отъезжающих. В него вошли почти все наши ротные «деды», то есть солдаты, срок службы которых заканчивался уже этой весной. Я бы, конечно, предпочел, чтобы со мной поехали молодые солдаты, и признаюсь, никак не ожидал, что командир роты за мой счет будет облегчать себе жизнь, спихивая мне наших старослужащих. В тракторке Жеребцова он делал мне великое одолжение, посылая со мной самых опытных и умелых бойцов. Так-то оно так, но, с другой стороны, именно среди «дедов» больше всего нарушителей воинской дисциплины. То они в самоволку сбегут, то ночью машину из парка угонят, то затеют пьянку в казарме... Молодому-то бойцу не до этого – ему в свободное от учебных занятий и обязательных нарядов время приходится карлиться не только за себя, но и за «дедов»: драить полы в казар-

ме, подметать территорию, чистить картофель и мыть посуду в столовой, а также выполнять другие работы, позорные для «дедов».

Однажды в батальонном клубе во время лекции об агрессивной внешней политике империализма я увидел, как через проход от меня среди бойцов переправочно-десантной роты один такой молоденький солдатик, видно, что совсем измотанный ночной работой, клюет носом, а потом и вовсе заснул, опустив голову на грудь. Заметил это и солдат, сидящий за его спиной. Сразу было видно, что это «дед» – верхняя пуговица расстегнута, китель ушит, волосы длиннее, чем положено. Улыбаясь злорадно, он обратил внимание своих соседей на спящего, затем осторожно положил ладонь одной руки на обритую голову «молодого», другой рукой оттянул средний палец и ударил с силой. Солдатик вздрогнул испуганно и схватился за голову. Я не выдержал, поднялся с места и, не говоря ни слова, потянул «деда» из клуба. В тамбуре я схватил его за грудь и со словами «ты что делаешь, сволочь» попытался прижать его к стене. Солдата не испугал мой натиск. Казалось, он был в недоумении.

– Лейтенант, ты сам еще службы не знаешь, а суешься не в свои дела. Убери свои руки!» – сказал он, отталкивая меня.

– Что ты сказал? Да я сейчас тебе... – я еще пытался его напугать, хотя уже понимал, что ничего я ему, этому наглецу из чужой роты, не смогу сделать. Тут лекция закончилась,

из клуба толпой повалили солдаты, и мы разошлись с взаимными угрозами. После этого происшествия у меня долго оставался на душе неприятный осадок...

Через три дня мы уже грузились в специальный воинский эшелон, в который входили не только пассажирские вагоны (один из них, купейный, для офицеров), но и открытые платформы для перевозки техники. Понтонная рота заняла целиком один плацкартный вагон, а мои бойцы должны были расположиться в трех отделениях соседнего. Однако эти отделения оказались заняты солдатами из другой части, севшими в поезд раньше нас. Старший среди них – рослый старшина с наглым взглядом и слегка, как мне показалось, выпивший – настаивал на том, что весь вагон предназначен для его команды и предлагал моим бойцам искать места среди понтонеров. Без сомнения, он хитрил: ему просто не хотелось уплотнять своих солдат, вольготно расположившихся по всему вагону. Также не было сомнений в том, что он сразу распознал во мне армейского новичка, которого можно не особо принимать во внимание. Говоря со мной, старшина, как бы ненароком, подталкивал меня, постепенно вытесняя из вагона. И тут я, неожиданно даже для себя самого, взорвался. Горячая волна гнева поднялась у меня в груди и ударила в голову. В припадке бешенства я оттолкнул старшину и за-

орал на него иступлено. Не помню, что я кричал, но старшина сразу отступил.

– Да ладно, лейтенант, – сказал он. – Да занимайте вы эти места! Зачем так орать-то?

В это время проезд тронулся. Я проследил, чтобы все солдаты из чужой части покинули положенные моим бойцам места, проверил наличие в вагоне кипятка (сухие пайки были выданы всем заранее) и пошел устраиваться сам.

Офицерский вагон находился в голове состава. Дверь одного из купе, где разместились офицеры нашего батальона, была открыта. Из нее валил сизый табачный дым, слышался говор выпивших мужчин.

– А-а, Копылов! Ты где пропал? Давай-ка штрафную! – начальник штаба майор Тодоров с кумачовым лицом разливал водку по большим эмалированным кружкам.

Он был без кителя, в расстегнутой форменной рубашке, с армейским галстуком, висящим «вниз головой» на медной заколке. Купейный столик был уставлен закусками из сухого пайка, а под столиком я заметил такое количество еще не початых водочных бутылок, что у меня сразу упало настроение. Я живо представил себе, что меня ждет в течение этих трех-четырех дней пути: шум, гам, пьяный кураж, похабные анекдоты, карты, табачный смрад... Да и сама компания, за исключением Тодорова, была не очень мне по душе.

Командир понтонной роты капитан Бубнов был как раз из тех офицеров, которые считали нас, двухгодичников,

людьми второго сорта. Конечно, он не говорил об этом вслух, но это сквозило в его манере общения с нами, вернее – в манере его необщения: мы были для него пустым местом. Думается, если бы все-таки что-то заставило его высказаться, то он сказал бы следующее: «А как вы хотите, чтобы я к вам относился? Я, прежде чем получил офицерские погоны, четыре года в училище на казарменном положении отбарабанил, а вы в институтах штаны протирали, вино с девками жрали!.. Вы тут помаячите два года, а потом – в теплые края на теплые места, а мне двадцать пять лет лямку армейскую тянуть по дальним гарнизонам!..».

Досадно было то, что в командировке Бубнов становился моим непосредственным командиром, так как майор Тодоров после нашего прибытия на место работ должен был вернуться обратно в Безречный.

С другими офицерами понтонной роты у меня тоже особой дружбы не сложилось, а с одним из них – младшим лейтенантом Веревкиным – мы вообще были, что называется, на ножах.

Этот Веревкин, высокий сухопарый офицер с вечной язвительной усмешкой на узком лице, держался со мной и Андреем подчеркнуто высокомерно – таким офицерским дембелем. Что интересно, он тоже был двухгодичником! Срок его службы подходил к концу, но он уже подал рапорт с просьбой оставить его в рядах Вооруженных сил в качестве кадрового офицера. В армию Веревкин был призван после

окончания техникума, поэтому-то он имел звание ниже нашего, да и по годам он был младше нас. Тем не менее, и меня, и Андрея он называл не иначе как «молодой» и «зеленый».

В один из первых дней нашей забайкальской службы Веревкин отказался принять у меня дежурство по парку. Издевательски усмехаясь, он сказал, что не сменит меня, так как в заборе не хватает одной доски. Я прошел к месту, им указанному. Действительно, доски не было, а была щель шириной с ладонь. Было также отчетливо видно, что доска разлучена с забором не менее года назад, и, следовательно, сотни раз до этого офицеры нашего батальона передавали друг другу дежурство без этой злополучной доски. В батальоне просто не было досок, чтобы эту щель забить. Вообще, в этих безлесных местах пиломатериалы – главный дефицит. Мне пришлось в тот раз звонить уже ушедшему со службы Тодорову домой, чтобы он разрешил мне сдать дежурство с этой дурацкой щелью. Я выслушивал по телефону отборные тодоровские маты (тогда я еще воспринимал их очень болезненно), а Веревкин стоял рядом и ухмылялся, довольный тем, как ему удалось «поучить зеленого службе».

И вот сейчас в дымном купе Веревкин сидел рядом с Бубновым и глядел на меня с пьяным прищуром, попыхивая сигаретой. Наверное, обдумывал, как бы меня, молодого, на ближайшей станции послать за дополнительной закуской или куревом...

Я взял протянутую мне Тодоровым кружку, сделал один

глоток теплой, противной водки, а затем задержал кружку у рта, делая вид, что пью до дна. Впрочем, никто за мной не следил – Тодоров начал рассказывать очередной анекдот, и все смотрели на него. Я поставил кружку на стол, потихоньку достал с верхней полки свои вещи и подался обратно к солдатам.

– Ребята, – объявил я им, – я еду с вами...

Тут же Балашов, самый авторитетный «дед» в моей команде, потеснив кого-то из солдат, освободил мне место на нижней полке. Я достал свой офицерский сухой паек, сказал «угощайтесь» и принялся есть. Бойцы уже перекусили, поэтому лишь ближайšie из вежливости взяли по галете, так что я ел в одиночестве. Солдаты были искренне рады, что я еду с ними. Во-первых, у меня была гитара, а во-вторых – переносной транзисторный приемник, большая редкость в те годы, тем более среди солдат.

Выяснилось, что никто из солдат играть на гитаре толком не умеет, поэтому, когда я покончил с едой, они попросили меня сыграть что-нибудь. Я не заставил долго себя упрашивать, быстро настроил гитару и стал исполнять одну за другой бардовские и студенческие песни. За годы учебы в институте я разучил их сотни. Вскоре плацкартное отделение было заполнено до отказа. Пришли даже солдаты из других вагонов, и в один момент краем уха я услышал, как чужой солдат спросил у одного из моих: «Откуда этот лейтенант?». И мой «дед» ответил с явной гордостью: «Это наш зампо-

тех!».

Уже на следующий день пейзаж за окнами изменился: вместо унылых равнин и голых холмов потянулись радующие глаз рощи и перелески. А еще через двое суток поезд, протиснувшись сквозь гряду таежных сопок, вырвался к замерзшему Байкалу. С левой стороны продолжали нависать заснеженные вершины Хамар-Дабана, а справа открылось огромное, чисто выметенное ветрами ледяное поле, отливающее всеми оттенками синего и зеленого. На далеком горизонте тонкой исчезающей полоской темнел противоположный берег. Там была Листвянка, там была моя мама, не подозревающая, что ее сын находится сейчас всего в каких-нибудь ста километрах от нее.

Солдаты прильнули к окнам и, потрясенные, молча смотрели на разворачивающуюся панораму ледяного простора.

– Чувствуете, как омулем запахло! – сказал кто-то восторженно.

– Это Петренко набздел, – тут же отреагировал ротный остряк Пичугин.

– Че-е?! – взревел здоровенный Петренко, бросаясь под дружный хохот на маленького, вертлявого Пичугина.

– Нет-нет, я ошибся! – заверещал Пичугин, мухой взлетев на верхнюю полку и отбиваясь от Петренко босыми ногами. – Это Ахметов!

– Не я, не я! – запротестовал Ахметов. – Как можно так врать!

Петренко удалось сдернуть Пичугина с полки, тот, падая, повалил еще кого-то – и началась всеобщая кутерьма: крики, хохот, стоны, треск перегородок под напором молодых здоровых тел... «Вагон бы не разнесли» – подумал я, унося подальше гитару. Эти мои так называемые «деды», вырвавшись из казармы, вели себя как малые дети.

Иркутск мы проезжали ночью. В районе вокзала эшелон простоял часа два на каком-то дальнем пути, затем, как бы раздумывая, тронулся потихоньку, но, когда за окном наконец-то показали здания студгородка, поезд уже набрал приличную скорость, и родное мое общежитие мне удалось увидеть лишь мельком. В некоторых окнах горел свет. Может быть, в одной из этих «не спящих» комнат была сейчас моя Светланка, и, может быть, она, оторвав именно в эту минуту усталые глаза от книги, проводила взглядом наш прогремевший за окном состав...

К середине следующего дня мы прибыли к месту разгрузки. Вокруг была глухая тайга. Железнодорожная ветка заканчивалась тупиком. Нам нужно было до конца дня разгрузить технику. Мы перерубали скрученную в толстые жгуты стальную проволоку, с помощью которой грузовики, подъемные краны, передвижные пилорамы, полевые кухни и другие агрегаты были прикреплены к железнодорожным платформам, и сгоняли технику на разгрузочную площадку, выстраивая ее в походную колонну. Нам еще предстоял стокилометровый марш к району лесозаготовок. Майор Тодоров,

хоть и имел помятое и опухшее лицо, был как всегда «бодро-весел». Его беззлобная матерщина слышалась то в одном, то в другом конце колонны.

Переночевали, в последний уже раз, в вагонах. Моторы автомобилей на ночь не глушили, опасаясь утром, в тридцатиградусный мороз, их не завести. Едва забрезжило, прозвучала команда «подъем», и, наскоро перекусив, мы тронулись в путь.

Длинной неуклюжей змеей колонна втянулась в настороженную тайгу. Дороги как таковой не было, мы продвигались по заросшей кустарником, заметенной снегом просеке. В голове колонны шли мощные «КрАЗы». Они пробивали в глубоком снегу путь для идущих следом «Уралов» и «ЗИЛов». В моей роте было пять грузовиков «ЗИЛ-157». Эта машина, – почти ровесница Второй мировой войны, простая и надежная, как утюг, нагреваемый на огне, – к данным условиям оказалась менее всего приспособленной. Колея, которая оставалась в снегу после «КрАЗов», была для моих «ЗИЛов» слишком глубока, и они то и дело «садились на брюхо», беспомощно вращая колесами. Движение колонны стопорилось и возобновлялось лишь после того, как «малютку» буксиром вытаскивали на участок, где колея была не такой глубокой.

Я ехал в кабине «ЗИЛа», водителем которого был Олег Балашов. Веселый и расторопный, этот парень все больше мне нравился. Он быстро приновился к езде по глубокому снегу: чувствовал, где надо сильнее разогнаться, где, наобо-

рот, включить самую низкую передачу, а где просто выбрать-ся из колеи и промчаться по целине – и наша машина почти не застревала. Олег призвался в армию из Красноярского края. Между его родным поселком и моей Листвянкой было полторы тысячи километров, но мы решили считать друг друга земляками. В кабине было тепло; за стеклами в лучах поднимающегося все выше и выше солнца сияла своей торжественной красотой заснеженная тайга; из транзистора, настроенного на волну «Маяка», громко звучала музыка – и ехать нам было весело и приятно.

Ближе к полудню колонна вышла к реке. Тодоров, Бубнов и еще несколько старших офицеров из других частей потоптались на льду, совещаясь, затем заняли свои места в машинах, и автомобили двинулись на переправу. Вскоре и машины моей роты уже катили по гладкому речному льду. Нам с Балашовым оставалось всего метров сорок до другого берега, как вдруг идущий впереди «ЗИЛ» резко остановился. Я помнил, что при езде по льду категорически нельзя останавливаться.

– Не тормози! Объезжай подальше! – крикнул я Балашову, на ходу выскакивая из кабины.

Я сразу увидел, что передние колеса остановившегося грузовика проломили лед. За рулем машины, судорожно дергая рычагом скоростей и непрерывно газуя, сидел Ахметов. Лед под «ЗИЛом» трещал и прогибался.

– Вылезай быстро! – заорал я Ахметову и, распахнув двер-

цу, выдернул его из машины.

В это время под машиной утробно ухнуло, и вся передняя часть автомобиля провалилась по лед. Вода, стуча обломками льда, хлынула в кабину. Мы поспешно отбежали прочь. Мимо нас на большой скорости проносились машины, замыкающие колонну. Лед под тяжестью грузовика продолжал проламываться, и машина рывками уходила все глубже и глубже. На какие-то секунды это погружение приостановилось, и появилась надежда, что задняя часть автомобиля останется на поверхности, но этого не произошло. Опять треск и шум – и вот на том месте, где только что был грузовик, лишь большая прорубь, заполненная колышущейся массой битого льда. Когда колыхание в проруби улеглось, стало видно, что верхняя часть кабины потонувшего грузовика слегка, всего лишь на несколько сантиметров, выступает из воды.

С берега уже спешил к нам, громко матерясь, майор Тодоров, другие офицеры и солдаты.

– В машине кто-нибудь остался? – подбегая, спросил майор. Лицо его выражало крайнюю тревогу.

– Никак нет, товарищ майор!..

– Слава богу, твою мать! А что в кузове?

– Консервы: тушенка, сгущенка...

– Ни х.., высушим!

Тодоров перевел дух, а затем вперил бешеный взгляд в стоящего рядом со мной, совершенно потерянного Ахме-

това.

– Ты сидел за рулем? Ты чем слушал, когда я говорил, как надо ездить по льду? «Нельзя переключаться, нельзя тормозить!»...

– Он не тормозил, товарищ майор, – вступился я за оробевшего солдата, – у него передние колеса провалились.

– Вот так они, мать-перемать, прямо ни с того, ни с сего и провалились! – перекинулся Тодоров на меня.

– Наверно, здесь горячие ключи бьют, – высказал я догадку.

– Какие, на х.., ключи!.. А ты, салабон, – майор опять обратился к Ахметову, – раз уж не умеешь ездить, будешь сейчас у нас плавать!..

До Ахметова не сразу дошел смысл последних слов начальника штаба, но, услышав последующие его распоряжения, он понял, что ему придется лезть в ледяную воду за утонувшей машиной. От стоявшего на берегу «КраЗа» бойцы уже тянули толстый стальной трос...

– Товарищ майор, я не знаю плавать! Я буду утонуть! – от испуга Ахметов путался в русской речи и даже попятился к берегу, готовый задать стрекоча, если его будут силой загонять в воду.

– А зачем тебе плавать? Нырнешь – и зацепишь трос за крюк! – не понятно было шутит Тодоров или говорит всерьез.

Ахметов, один из двух «чайников» в моей команде, был

родом откуда-то из среднеазиатских степей, и, скорей всего, он действительно не умел плавать. И я решился. Заранее внутренне холодея от того, что мне предстоит, я сказал как можно спокойнее:

– Товарищ майор, я сам полезу в воду...

Тодоров глянул на меня оценивающе и сказал с сомнением:

– Уж больно ты худосочный, лейтенант... Однако, сразу окочуришься.

– Со страховкой будет нормально, вытащите, если что...

Балашов, стоявший тут же, вдруг сказал:

– Товарищ майор, разрешите мне! Я три года моржеванием занимался. Для меня в прорубь слазить – только удовольствие!

– А, так ты еще и морж, Балашов! Это хорошо! Да и выглядишь ты справнее, чем ваш лейтенант. Жирок дембельский...

– Какой жирок, товарищ майор?! Жеребцов загонял со всем! – отшутился Балашов.

– Есть еще у нас комсомольцы-добровольцы? – громко обратился ко всем заметно повеселевший Тодоров.

Желающих лезть в ледяную купель больше не нашлось.

– Так, – подытожил Тодоров, – значит, хренов моржовых у нас больше нет... Ну, давай, Балашов, готовься...

Несколько солдат, вооруженных ломami и кувалдами, стали удлинять прорубь в сторону берега, чтобы затонувшую

машину можно было вытянуть на сушу.

– Товарищ майор, – попросил Балашов, – пусть они льдины-то из воды вытащат – я же не ледакол!

Тодоров велел вырубить жерди подлиннее и с их помощью очистить прорубь от льдин.

– Ты с берега будешь заплывать или отсюда нырнешь? – спросил он Балашова.

– Нет, я лучше, товарищ майор, по жердям переберусь на кабину, а потом с кабины спущусь к крюку...

– Ага, понятно...

Балашов категорично отказался от страховки:

– Течение тут слабое, мой хладный труп не отнесет далеко... А в этой веревке я только запутаюсь. Мне бы, товарищ майор, потом, после купания, сто граммов, чтоб не простудиться...

– Ах, ты,.. твою мать – на кобыле воевать! Ну и ушлий же ты, Балашов! – воскликнул Тодоров с шутливым возмущением, но тут же подозвал сержанта-медика и прошептал ему, – у нас там что-нибудь осталось? Принеси в пузырьке граммов пятьдесят... чистого.

Наконец прорубь была очищена от крупных льдин, и три жердины пролегли от кромки льда до крыши кабины. Балашов бросил на лед свою телогрейку, а потом на нее, торопливо раздеваясь, и прочую одежду. Оставшись совершенно голым, он, задумавшись на мгновенье, надел рукавицы и, балансируя раскинутыми руками на шатком мости-

ке, перебрался на кабину. Вдоль реки тянул противный ветерок, и видно было, что Балашову очень холодно. Однако под взглядами столпившихся вокруг проруби людей он бодрился и даже сделал несколько энергичных приседаний. Вероятно, так поступают «моржи» перед погружением, а может быть, Балашов просто хотел оттянуть неприятный момент. Приседания эти выглядели несколько комично, и Пичугин был тут как тут:

– Балаш, елду к кабине не приморозь, а то трос за тебя будем цеплять!

Все дружно заржали. Балашов погрозил Пичугину кулаком и начал осторожно спускаться в воду. На капоте двигателя вода оказалась ему почти по пояс, и Балашов, сдернув зубами рукавицу, сунул руку под воду между ног и заорал на всю тайгу:

– О-ой, как яйца ломи-ит!

– Что-то я не слышал, чтоб у моржов яйца ломило... – прокомментировал Тодоров.

– А товарищ лейтенант обещал здесь теплые ключи, – подхватил Пичугин.

И опять все загоготали. Стая больших темных птиц снялась с вершины лиственницы, стоящей поодаль, и полетела прочь, крича что-то неодобрительное.

Не до смеха было только Балашову: ему предстояло теперь спуститься еще глубже, на буфер автомобиля, где располагались буксировочные крюки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.